

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

**ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ
ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ**

Т.Г. ЮРЧЕНКО

**ИСТОРИЧЕСКАЯ ПОЭТИКА:
ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ
И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ**

Аналитический обзор

**МОСКВА
2022**

УДК 82.0
ББК 83
Ю 83

Серия
«Теория и история литературоведения»

Печатается по решению Ученого совета ИНИОН РАН

Отдел литературоведения

Ответственный редактор –
доктор филол. наук А.Н. Николюкин

Рецензенты: кандидат филол. наук О.В. Кулешова,
доктор филол. наук К.А. Чекалов

Юрченко Т.Г.

Ю 83 Историческая поэтика: проблемы изучения и перспективы развития: аналит. обзор / Т.Г. Юрченко ; РАН, ИНИОН, отд. литературоведения: отв. ред. А.Н. Николюкин – Москва, 2022. – 90 с. – (Теория и история литературоведения). – Библиограф.: с. 73–78.

ISBN 978-5-248-01013-4

Прослеживается эволюция исторической поэтики от ее зарождения в трудах А.Н. Веселовского и преломления идей ученого в отечественном литературоведении XX в. (О.М. Фрейденберг, М.М. Бахтин, А.В. Михайлов и др.) до предпринимаемых в последнее время усилий по разработке путей ее дальнейшего развития как актуального научного подхода.

Для студентов, аспирантов и преподавателей филологических факультетов.

Информация об авторе: *Юрченко Татьяна Генриховна*, старший научный сотрудник отдела литературоведения ИНИОН РАН, Нахимовский проспект, д. 51/21, 117418, Москва, Россия. ORCHID ID: <https://orchid.org/0000-0002-5560-494X>
e-mail: yurchenko2003@mail.ru

УДК 82.0

ББК 83

© ФГБУН «Институт научной информации
по общественным наукам РАН», 2022

ISBN 978-5-248-01013-4

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE OF SCIENTIFIC INFORMATION
FOR SOCIAL SCIENCES

Tatiana G. Yurchenko

**HISTORICAL POETICS:
STUDY PROBLEMS
AND PROSPECTS**

Analytical Review

MOSCOW
2022

Series:
“Theory and History of Literature”

Printed by decision of Academic Council
of the Institute of Scientific Information for Social Sciences
of the Russian Academy of Sciences

Department of Literary Studies

Managing Editor:
Aleksandr N. Nikolyukin, DSc in Philology

Reviewers:
Ol’ga V. Kuleshova, PhD in Philology,
Kirill A. Chekalov, DSc in Philology

Yurchenko T.G.

Historical Poetics: Study Problems and Prospects: Analytical Review / Yurchenko T.G. ; Russian Academy of Sciences, Institute of Scientific Information for Social Sciences, Department of Literary Studies; ed. by A.N. Nikolyukin. – Moscow, 2022. – 90 p. – (Theory and History of Literature). – Bibliogr.: p. 73–78.

ISBN 978-5-248-01013-4

This review addresses the evolution of historical poetics from its origin in the works of A.N. Veselovskii and the refraction of his ideas in Russian literary studies of the 20th century (O.M. Freidenberg, M.M. Bakhtin, A.V. Mikhailov) to recent efforts to pave the way for its further development as an actual scientific approach.

Addressed to students, postgraduates and lecturers of the philological faculties.

Information about the author: *Tatiana G. Yurchenko*, Senior Researcher, Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences, Nakhimovskii prospect, 51/21, 117418, Moscow, Russia. ORCID ID: <https://orchid.org/0000-0002-5560-494X>, e-mail: yurchenko2003@mail.ru

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	6
А.Н. Веселовский и его «Историческая поэтика»	7
Генетический метод О.М. Фрейденберг	18
«Прозаика» М.М. Бахтина	29
Новый историзм А.В. Михайлова	41
Историческая поэтика в «расширении»	56
Список литературы	73
Указатель имен	79
Abstract	81
References	81

Предисловие

Историческая поэтика, зародившаяся в России более ста лет назад, вновь становится актуальна и авторитетна для исследователей, связывающих с ней надежды на решение одной из насущных задач науки о литературе – преодоления раскола между историческим и теоретическим знанием.

Созданная в конце XIX в. как новое научное направление и учебная дисциплина А.Н. Веселовским, она определяла развитие отечественного литературоведения на протяжении всего XX в., оказав воздействие на теоретические исследования, сравнительно-историческое литературоведение, фольклористику, медиевистику, работы по литературе Нового времени (труды В.М. Жирмунского, М.И. Стеблин-Каменского, О.М. Фрейденберг, В.Я. Проппа, М.М. Бахтина, Е.М. Мелетинского, А.В. Михайлова, С.С. Аверинцева и др.). В XXI в. она становится наконец известна и на Западе.

Все возрастающий интерес к исторической поэтике проявляется, с одной стороны, в попытке изучения тех или иных явлений художественного слова в максимальном сближении теоретического и исторического подходов, а с другой – в пристальном внимании к феномену исторической поэтики как таковому.

Предлагаемая работа обращена в первую очередь к проблемам теоретического осмысления исторической поэтики. Особое внимание уделено ее ключевым фигурам: А.Н. Веселовскому, О.М. Фрейденберг, М.М. Бахтину, А.В. Михайлову. Рассматриваются также перспективы развития исторической поэтики как актуальной научной дисциплины.

А.Н. Веселовский и его «Историческая поэтика»

Историческая поэтика зародилась в России в трудах А.Н. Веселовского во второй половине XIX в. на пересечении двух влиятельных тенденций своего времени – вызревавшего в лоне романтизма историзма, с одной стороны, и позитивизма – с другой. Новизна подхода была заявлена уже «в самом словосочетании, возникающем на грани парадокса и оксюморона»: «традиционная поэтика занималась не изменчивым, а вечным» [Шайтанов, 1994, с. 17]. «С именем Веселовского, – писала О.М. Фрейденберг, – связана первая систематическая блокада старой эстетики... Он показал, что поэтические категории суть исторические категории, и в этом его основная заслуга» [Фрейденберг, 1997, с. 20].

«В русской и западноевропейской науке своего времени Веселовский не был гениальным одиночкой, – отмечал В.М. Жирмунский – его теоретические построения являются творческим синтезом передовых научных идей его времени, вырастая и расширяясь вместе с расширением материала и общего познавательного кругозора современных ему историко-этнографических исследований» [Жирмунский, 1979, с. 118].

Приступая к своей исторической поэтике, Веселовский «стремился избежать двух крайностей прежних теорий: во-первых, построения сугубо категориальной поэтики, описывающей отдельные дефиниции – сюжет, мотив, жанр, троп, форму и содержание и т.д. – изолированно, вне системных и исторических связей; во-вторых, растворения литературы в эстетике. Генетический метод (“генетическое объяснение поэзии”) ...впоследствии будет признан едва ли не главной его заслугой, приведшей к радикальной реформе русской теоретической поэтики в XX веке» [Попова, 2015, с. 21].

Ученый называл свой метод сравнительным или сравнительно-историческим, соотнося его с принципами лингвистических исследований. Однако сравнительный метод Веселовского далек от современной компаративистики и предстает как «ряд последовательных операций, сопоставляющих, систематизирующих и обобщающих большие объемы историко-литературных, лингвистических, этнографических, фольклористических фактов», при этом для самого ученого теория имела прикладной смысл: «понятия *первобытного синкретизма, мотива и сюжета, формы и содержания* были рабочим инструментом, необходимым для сравнительного описания истории литературы» [там же, с. 26, 27].

В соотнесенности элементов, в синкретизме, полагает И.О. Шайтанов, – суть сделанного Веселовским и, может быть, «первый пример *системного понимания литературной ситуации*»; «системная синхронизация литературного материала А.Н. Веселовским даже предшествовала теории Ф. де Соссюра в применении к речи» [Шайтанов, 1994, с. 18].

Эту системность мышления Веселовского тонко почувствовал Б.М. Энгельгардт, писавший почти сто лет назад: «В самом ходе его исследований чувствуется огромная внутренняя закономерность, какой-то словно заранее обдуманый план: к каждому частному вопросу, “мелкому факту”, он подходит с затаенною мыслью о его значении для будущего окончательного обобщения» [Энгельгардт, 1924, с. 13–14].

Само словосочетание «историческая поэтика» в форме «историческая пиитика» было впервые использовано задолго до Веселовского его учителем по Московскому университету профессором С.П. Шевырёвым – автором фундаментальных трудов «История поэзии» (1835), «Теория поэзии в историческом развитии у древних и новых народов» (1836), «История русской словесности, преимущественно древней» (1846) – в его письме от 15 марта 1831 г. к М.П. Погодину, напоминает Н.В. Цветкова [Цветкова, 2008]. И, несмотря на заявление Веселовского, учившегося в Московском университете в 1855–1858 гг., о том, что Шевырёв его никогда не увлекал [см.: Пыпин, т. 2, с. 424], именно он был прямым учителем создателя исторической поэтики, подчеркивает исследовательница, солидаризируясь с мнением Ю.В. Манна [см.: Манн, 1998, с. 249].

В том же письме 1831 г. к Погодину Шевырёв замечал: «...у меня зародилась давно мысль написать пиитику в виде истории, и ...эту пиитику в виде истории применить и к нашей словесности ...словом, я воплощу скелет немецкой эстетики в историю – и не буду говорить: эпос, лира, драма, а Гомер, Дант, Шекспир или Гомер, Пиндар, Эсхил...» [цит. по: Цветкова, 2008, с. 75].

Значение термина «пиитика» для Шевырёва практически синонимично философской эстетике, и его «историческая пиитика» должна была свидетельствовать о новом методе исследования литературы. В своем дневнике осенью 1831 г. он впервые употребляет термин «историческая эстетика», который, по наблюдению В.М. Жирмунского, до конца восьмидесятых годов, до появления термина «историческая поэтика» использовал Веселовский [см.: Жирмунский, 1979, с. 103].

Идеи Шевырёва – в русле поворота к истории, совершившегося в европейской филологии, в частности, в работах Жан-Поля, Гердера, Лессинга, Винкельмана, Гёте. Шевырёв «пытается произвести переход на новые пути, в основании которых лежит историческое мышление и как его механизм – исторический метод в подходе к художественному тексту» [Цветкова, 2008, с. 75], однако в России оказывается без единомышленников. Идущий вслед Шевырёву Веселовский также испытывает влияние немецкой науки – Гриммов, школы Т. Бенфея, трудов Х. Штейнтала.

Общая концепция Шевырёва, как она представлена в записях дневника, близка, полагает Н.В. Цветкова, изложенной в «Приготовительной школе эстетики» концепции Жан-Поля. На первый план в ней выходит историческое изучение поэзии начиная с греческой, но наиболее полно разработана теория родов на основе творчества Гомера, Данте и Шекспира, которая, как и у Жан-Поля, относится к «частной эстетике». Сфера «всеобщей эстетики» – это рассуждения Шевырёва о художественных мирах Гомера, Данте, Шекспира, об авторской индивидуальности и поэтической фантазии, воплощенной в языке, форме произведений и др. Обе части эстетики Шевырёва объединяются с помощью категории национального, включающей историко-культурные, природные, психологические и некоторые другие признаки, образуя «историческую пиитику».

Благодаря Шевырёву в Московском университете с 1830-х годов начинает утверждаться традиция историко-сравнительного метода в исследовании литературы. «Моя историческая школа пускает корни в нашем университете», – писал Шевырёв в письме к П.А. Вяземскому [цит. по: Цветкова, 2008, с. 74].

В своей «исторической пиитике» Шевырёв, обращаясь к теории поэтических родов, стремится «отклониться от гегелевской эстетики. Но, сохраняя общий философский подход, он все же старается идею “философского трилога” подчинить истории, характеризовать роды поэзии с помощью выдвинутых им самим категорий: историко-культурных, психологических и собственно поэтологических» [Цветкова, 2008, с. 76]. Понятие «историческая пиитика» у него подразумевает составляющие науки о литературе (теория родов и теория поэтической фантазии) и методологические – исторические – принципы исследования литературного развития. Шевырёв, таким образом, предвосхитил некоторые методологические принципы Веселовского, которого, несмотря на все различия ми-

ровоззренческих позиций, можно считать «истинным наследником Шевырёва» [Цветкова, 2008, с. 77].

Долгое время существовало распространенное убеждение, что Веселовскому не удалось продвинуться дальше фундамента своего грандиозного замысла. С 1894 г. ученый публиковал отдельные части своего исследования, причем, как писал он сам, «не в том порядке, в каком они должны явиться в окончательной редакции труда» [Веселовский, 1989, с. 155]. Начиная с посмертного собрания сочинений Веселовского [Веселовский, 1908–1938], так и не завершеного, работы по исторической поэтике размещались в хронологическом порядке. В первый том собрания сочинений были включены все прижизненные публикации Веселовского, касающиеся исторической поэтики; в первый выпуск второго тома вошла «Поэтика сюжетов», реконструированная В.Ф. Шишмарёвым по материалам лекционного курса Веселовского; второй выпуск этого тома с материалами к «Поэтике сюжетов» не вышел. Хронологический принцип лег и в основу подготовленной В.М. Жирмунским «Исторической поэтики» Веселовского 1940 г., а также выпущенного на ее основе издания 1989 г. [Веселовский, 1989].

Первым изданием труда Веселовского, выстроенным в соответствии с авторским планом, который был обнаружен и опубликован в 1959 г. Жирмунским (Русская литература, № 2 и № 3), стала в 2006 г. подготовленная И.О. Шайтановым книга «Избранное: историческая поэтика» [Веселовский, 2006], куда вошло все, что сделано Веселовским во исполнение его замысла. В результате оказалось, что незавершенность текста книги не означает незавершенность замысла.

По реконструированному замыслу Веселовского книгу должна была открывать работа «Из введения в историческую поэтику», затем следовали части: I. «Определение поэзии»; II. «Исторические условия поэтической продукции»; III. «Личность поэта»; IV. «Внешняя история поэтических родов и частные процессы литературной эволюции».

Веселовский успел завершить введение и часть I; материалы к частям III и IV были собраны не полностью и остались в виде набросков планов лекций и выписок из первоисточников.

К части II (которая свою очередь должна была состоять из четырех разделов) относятся все прижизненные публикации из «Исторической поэтики», за исключением введения: «Синкретизм древнейшей поэзии и начала дифференциации поэтических родов», «Язык поэзии и язык прозы», «Психологический паралле-

лизм и его формы в отражениях поэтического стиля», «Из истории эпитета».

Вторая часть прервалась на наиболее новом по идеям опубликованном посмертно третьем разделе «Поэтика сюжетов». Ученый не успел написать заключительный раздел второй части – «История идеалов», по которому остались материалы, объединенные Веселовским по группам: а) история идеала природы; б) красоты; в) любви; г) героизма.

Кроме «Исторической поэтики» у Веселовского много работ, связанных с намеченным планом, которые восполняют «отсутствующие части и разделы за счет сходной проблематики» [Шайтанов, 2010, с. 142] и которые И.О. Шайтанов поместил во втором томе «Избранного» Веселовского – «На пути к исторической поэтике» [Веселовский, 2010]. «Оба тома, взятые вместе, – пишет исследователь, – представляют собой попытку реконструкции “Исторической поэтики”» [Шайтанов, 2010, с. 142].

Реконструкции подлежит, считает И.О. Шайтанов, и сам положенный в основу исторической поэтики метод – сравнительный, который до Веселовского не существовал в том виде, который мог бы стать основанием новой поэтики и нуждался в развитии.

Существует два мнения относительно времени начала работы Веселовского над исторической поэтикой. Жирмунский полагал, что это – 1862–1863 гг., первая заграничная поездка Веселовского, когда молодой ученый слушал в Берлинском университете курс лекций Штейнтала «Введение в историю литературы» [Жирмунский, 1979, с. 103]. Вслед за Штейнталем Веселовский в своем первом отчете о заграничной командировке задумывается о возможности построения истории литературы как «исторической эстетики», которая «может и должна существовать в этом смысле, заменяя собою те гнилые теории прекрасного и высокого, какими нас занимали до сих пор» [Веселовский, 1940, с. 396]. А уже в 1870 г. во вступлении к своему первому курсу лекций в Санкт-Петербургском университете («О методе и задачах истории литературы как науки») Веселовский наметил общие контуры своего методологического подхода.

Иной точки зрения придерживается А.Л. Топорков, полагая, что обращение Веселовского к исторической поэтике произошло значительно позднее, что еще в 1880-е годы ученый был известен не своими теоретическими разработками, а как исследователь литературных источников фольклора [Топорков, 1997, с. 291].

И.О. Шайтанов полагает, что если говорить про книгу «Историческая поэтика», то работа над ней «началась немногим ранее, чем возник сам термин, впервые употребленный Веселовским в 1893 году при чтении лекции “Из введения в историческую поэтику”». Если же иметь в виду направление научной мысли, обратившее внимание на определенный круг проблем и их решений, то прав В. Жирмунский» [Шайтанов, 2010, с. 143]: практически все уже намечено в «Отчетах о заграничной командировке» (1862–1864) [Веселовский, 2010, с. 39–69].

Веселовский в начале своей деятельности стал свидетелем происходившего научного переворота и всей последующей работой принял в нем участие: в 1862 г. идея заимствования «манифестировала принадлежность к новейшей научной теории, достаточно дерзкой, бросающей вызов влиятельному учению – сравнительной мифологии» [там же, с. 149].

Многие считали Веселовского противником мифологического метода, в том числе – О.М. Фрейденберг и Е.М. Мелетинский. В действительности же Веселовский полагал, что мифологическая теория лишь «принуждена поступиться долей своего господства историческому взгляду», что «попытка мифологической экзегезы должна начинаться, когда уже кончены все счета с историей» [Веселовский, 2001, с. 17–18]. Сомнения ученого вызывала корректность применения сравнительного метода в мифологии, «преждевременные обобщения», подрывавшие, по его мнению, основы высоко чтимого им подхода.

Веселовский одним из первых, подчеркивает И.О. Шайтанов, предложил включить в науку о литературе «историю идеалов»: сюжет – идеал – жанр, такова последовательность ключевых понятий его исторической поэтики согласно расположению ее частей. Однако в XX в. историей идей занимались преимущественно не в литературном контексте: «Интеллектуальная история XX века видела свою задачу в другом – освободиться от литературности или, во всяком случае, от литературоцентричности» [Шайтанов, 2010, с. 155]. Современная история идей стала важнейшей составляющей всей методологии гуманитарного знания, сближаясь с «археологией знания» Мишеля Фуко и «тропологией» Хейдена Уайта. Однако проблема, какой ее поставил Веселовский, по сути дела, была отменена: «Сегодняшняя “поэтика культуры” рассматривает культуру как текст, но отказывает литературному тексту в какой-либо исключительности или даже специфичности. Поэтика, которую строил Веселовский, выводила общекультурные законы из понимания словесного

искусства в его развитии», и есть смысл, считает И.О. Шайтанов, скорректировать «поэтику культуры» необходимостью понимания специфики литературных текстов [Шайтанов, 2010, с. 158].

Раздел «История идеалов», следовавший за «Поэтикой сюжетов» в плане Веселовского, должен был состоять из частей: «история *Naturgefühl*» (чувства природы), «идеал красоты в историческом развитии» и «мифологическое, символическое и аллегорическое мирозерцание». Раздел написан не был, но о нем позволяют судить оставшиеся за пределами «Исторической поэтики» работы: рецензия на книгу А. Бизе о чувстве природы у древних греков (1883); статья, посвященная теме любви «Из истории развития личности: женщина и старинные теории любви» (1872); исследование истории идеала красоты «Из поэтики розы» (1898).

Далее должны были следовать разделы: «Личность поэта» (третий) и «Внешняя история поэтических родов...» (четвертый), которым И.О. Шайтанов также находит соответствия в наследии Веселовского.

Так, отсутствие раздела «Личность поэта» восполняется тремя монографиями – о Боккаччо, Жуковском и Петрарке, которые были изданы в последние десять лет жизни ученого, т.е. создавались одновременно с «Исторической поэтикой», причем книга «Боккаччо, его среда и сверстники» в некотором смысле восполняет и отсутствие четвертого раздела, поскольку «история поэтической личности неотделима от изменчивой истории жанровых форм, в которых личность себя выражает» [Шайтанов, 2010, с. 167–168].

При переходе к исследованию личного творчества особое значение для Веселовского имел жанр романа, которому ученый посвятил работы, предваряющие «Историческую поэтику». Понимание Веселовским романа как «жанра, поэтизирующего обыденное» «предвосхищает трактовку Бахтиным романа, устанавливающего “максимальный контакт с настоящим” и противостоящего тем самым различным формам эпоса, с их, если воспользоваться характеристикой самого Веселовского, “идеальным выражением”» [там же, с. 174].

В статье «История или теория романа?» (1886) Веселовский предсказал идею теоретической истории литературы, которая в 1960–1970-е годы была воплощена, прежде всего, в исследованиях Г.Д. Гачева [Гачев, 1964] и Д.С. Лихачёва [Лихачёв, 1973]. Веселовский изменил понимание слова «поэтика», добавив к нему определение «историческая», которое утвердило «ее новое направле-

ние – исследование не *правил*, а *законов развития*» [Шайтанов, 2010, с. 180].

Однако боязнь обобщений, существенно замедлявшая работу Веселовского и не позволившая ему свести все сделанное в систему, определила и восприятие его исторической поэтики как незавершенной, «незавершенной в гораздо большей мере, чем она действительно таковой является» [Шайтанов, 2010, с. 181].

Осуществленное И.О. Шайтановым издание, полагает М.Н. Дарвин [Дарвин, 2008], может принципиально поменять восприятие теоретических основ исторической поэтики А.Н. Веселовского. В частности, если сопоставить известную формулировку ученого о задачах исторической поэтики как науки – «определить роль и границы предания в процессе личного творчества» – с его собственным планом издания книги, то становится очевидным, что «предание» и «личное творчество» оказываются не просто понятиями, но категориями исторической поэтики, которые, однако, до сих пор остаются недостаточно осмысленными и разработка которых выдвигается как насущная необходимость. Важно и то, что теперь работы, вошедшие в корпус «Исторической поэтики», не могут восприниматься как разрозненные материалы, вне соотношения с общим замыслом Веселовского. В то же время М.Н. Дарвин отмечает, что книгу Веселовского о Жуковском нельзя считать примером исследования «личного творчества» в аспекте исторической поэтики: ученый «писал не историческую поэтику, но биографию, которую не решился назвать биографией. В этом вся драма А.Н. Веселовского: борьба эмпиризма и эстетики, борьба, не выявившая победителя» [там же, с. 246].

Противоположной точки зрения на книгу о Жуковском придерживается А.Е. Махов [Махов, 2016], полагающий, что книга, в центре которой – вопрос о соотношении личности и готовых литературных формул, «естественно дополняет проблематику главного создания Веселовского – исторической поэтики, в которой как раз и рассматриваются “известные определенные формулы”, “устойчивые мотивы, которые одно поколение приняло от предыдущего”» [там же, с. 7].

Поэзия Жуковского трактуется Веселовским вполне в русле исторической поэтики как совокупность формул и мотивов, а чтобы показать, как личность находит себя в формуле, Веселовский вводит понятие «сердечное воображение», которым он обозначает «способность подводить новые переживания под однажды выработанную формулу» [там же, с. 9]. У Жуковского «новое содержание» (из другого известного определения задачи исторической поэтики)

никак не проникало в «старые образцы», но «подстраивалось под них, упорядочивалось в соответствии с ними той силой, которую Веселовский назвал “сердечным воображением”» [Махов, 2016, с. 10].

«Впечатления могли быть новые, – пишет Веселовский, – но поверялись они уже готовыми афоризмами и рассвечивались ими. Стоило поэту в разных обстоятельствах жизни прикоснуться к этим клавишам, в которых еще дрожал для него тон сердца, он настраивался мечтательно, улетал воображением в подлунную страну, и, вернувшись на землю, мог бы ощутить себя в неловком положении, если бы порой замечал противоречие» [Веселовский, 2016, с. 258].

Книга о Жуковском «не расширяет историческую поэтику и не служит построению некой “поэтики творчества”... Она открывает новую территорию на границе психологии и теории искусства, которая интенсивно развивалась в XX столетии, осваивается и сейчас» [Махов, 2016, с. 11].

Предмет исторической поэтики Веселовский определял по-разному в разные годы. В 1870 г. во вступительной лекции в С.-Петербургском университете («О методе и задачах истории литературы как науки») он определяет историю литературы «в широком смысле этого слова» как историю общественной мысли, особенно выделяя при этом поэзию как «тесную сферу» литературы, исследование которой сравнительным методом ставит «совершенно новую задачу – проследить, каким образом новое содержание жизни, этот элемент свободы, приливающий с каждым новым поколением, проникает старые образцы, эти формы необходимости, в которые неизбежно отливало всякое предыдущее развитие» [Веселовский, 1989, с. 41]. Комментируя эту формулировку, А.В. Михайлов пишет: «Все рассуждение начинается с истории и кончается историей: индуктивная поэтика выясняет сменяющие друг друга принципы поэтического сознания... в историческом движении поэзии должна выявиться ее сущность» [Михайлов, 1989, с. 7]. Эту индуктивную по методу поэтику Веселовский назвал исторической поэтикой.

В работе 1893 г. «Из введения в историческую поэтику» на вопрос, что такое история литературы, Веселовский отвечал так: «История общественной мысли в образно-поэтическом переживании и выражающих его формах. История мысли более широкое понятие, литература ее частичное проявление; ее обособление предполагает ясное понимание того, что такое поэзия, что такое эволюция поэтического сознания и его форм, иначе мы не стали

бы говорить об истории» [Веселовский, 1989, с. 42]. То есть задача для исторической поэтики ставится более широкая, нежели прежде, а предмет истории литературы сужается.

Наконец, поздний Веселовский, обратившийся к исследованию отдельных проблем – истории эпитета, психологического параллелизма, поэтики сюжетов, задачу исторической поэтики видит в том, чтобы «определить роль и границы предания в процессе личного творчества» [там же, с. 300]. Здесь не просто сужен круг проблем, но «изменен ракурс»: «Позднее определение исторической поэтики следует разуметь не так, что поэтика ограничивает предание в пределах личного творчества, но так, что и в пределах личного творчества она изучает именно продолжающуюся жизнь предания. Она демонстрирует, как проявляется предание сквозь все, создаваемое личным творчеством» [Михайлов, 1989, с. 11, 15].

Это последнее определение, пишет А.В. Михайлов, «восходит к тому суженному пониманию задач истории литературы, которое... всегда было у Веселовского наряду с широким – и в динамической связи с ним... [Оно] дается Веселовским в соответствии с тем, как он ставит себе цели и как он сам предполагает достигать их, и это прагматично и узко» [там же, с. 11].

Сопряженная взаимосвязь общего и частного, «широкого» и «узкого», характерная для исторической поэтики Веселовского, с присущими однако ему и науке его времени обусловленными позитивизмом особенностями, с преимущественным вниманием именно к «узкому» и перемещением в план будущего общих идей, после Веселовского распалась: ее заменила разработка отдельных и потому односторонне воспринятых идей ученого.

Русская формальная школа, сосредоточившись на анализе отдельного произведения, чего не было у основателя исторической поэтики, взяла на вооружение тезис Веселовского о форме как самостоятельном предмете литературоведческого исследования. Формалисты тем самым сделали решающий шаг для самоопределения литературоведения как науки со своим собственным предметом, т.е. выполнили одну из первостепенных задач преобразования поэтики, сформулированных Веселовским, подчеркивает И.Л. Попова. Однако, пишет исследовательница, это не означает, что формальный метод непосредственно восходит к исторической поэтике Веселовского: «Формалисты, как и русская теория 1920–1940-х гг. в целом, решительно отмежевались от научного позитивизма второй половины XIX века с его поиском причинных связей (“les pourquoi”, с которых Веселовский начинает свою историчес-

кую поэтику), преобладанием объяснения текста и описательного подхода к литературным формам» [Попова, 2015, с. 31].

Объективности ради стоит заметить, что существует и иная точка зрения, последовательно отстаиваемая И.О. Шайтановым, рассматривающим русский формализм как «одно из ключевых явлений исторической поэтики» [Шайтанов, 2016, с. 13].

Историческая поэтика после Веселовского стала возрождаться усилиями В.Ф. Шишмарёва и В.М. Жирмунского. Среди оказавшихся востребованными и получивших дальнейшее развитие в отдельных разделах филологической науки идей Веселовского – представление об историчности поэтических категорий, благодаря которому «история литературы начала мыслиться как смена эпох, которую можно изучать сквозь призму истории основных понятий» [Попова, 2015, с. 5]; разработка морфологии повествовательных жанров, теории мотивов и сюжетов, что доказывало генетическую и морфологическую связь сюжета и жанра; и наконец – идея поэтики как теоретической основы истории литературы.

«Без преувеличения можно сказать, что в его присутствии создается все наиболее важное и новое в русской филологии за последние сто лет», – пишет о Веселовском И.О. Шайтанов [Шайтанов, 2002, с. 87], замечая при этом, что имя «демиурга», как правило, либо вовсе не упоминается, либо подчеркивается критическое отталкивание от него. «Редкое в отношении Веселовского понимание того, кому принадлежит первенство, и ощущение разности масштаба сделанного каждым из них» – случай В.Я. Проппа [там же].

Название и идея исследования Проппа «Морфология сказки» (1928), на которое обычно ссылаются «как на наиболее памятную коррективу, внесенную в развитие и уточнение “Поэтики сюжетов” А.Н. Веселовского» [там же], позаимствованы у Веселовского. Пропп взял у Веселовского термин «мотив» и, переосмыслив его, заменил понятием функции, прокладывая дорогу структурализму. При этом Пропп всегда считал, что морфологический подход в целом – открытие Веселовского, что «разделение мотива и сюжета представляет собой огромное завоевание, так как оно создает условия для научного анализа сюжетов, анализа их состава и дает возможность ставить вопросы генезиса и истории» [Пропп, 2000, с. 192].

Распавшееся единство исторической поэтики на новых основаниях (и в противостоянии формалистам) стало созидаться в

1930-е годы в работах О.М. Фрейденберг и М.М. Бахтина, преемственность идей которых с идеями Веселовского состояла в «освоении всех родственных историко-культурных материалов, поставленных на почву слова, и в движении в глубину – к принципам, или первопринципам поэтического (вместе с тем общекультурного) сознания и к развитию и смене этих принципов в истории» [Михайлов, 1989, с. 16].

Генетический метод О.М. Фрейденберг

В продуктивном споре с Веселовским оформлялся генетический метод О.М. Фрейденберг. Высоко оценив заслуги Веселовского, показавшего, что «поэтические категории суть исторические категории» [Фрейденберг, 1997, с. 20], она четко обозначила и моменты своего несогласия с ним. «Проблемы семантики, – писала Фрейденберг, – Веселовский совсем не ставит, и в этом он особенно нам чужд; его интересует общая механика литературного процесса в целом, но не движущие причины этой механики; у него нет ни социальной обусловленности, ни изучения мышления, ни интереса к раскрытию смыслового содержания литературного факта» [там же].

Фрейденберг предприняла попытку продолжить дело Веселовского другими методами: ключевой для нее стала проблема семантики. В «Семантике сюжета и жанра» (1927–1928, неопубл.), первом варианте книги «Поэтика сюжета и жанра» (1936), свой подход она назвала «семантологией» – наукой «о смысловом значении образа и его дериватов, каковы язык, миф, сюжет и т.д.» [цит. по: Брагинская, 2018, с. 92].

У Фрейденберг «возникает такая теория литературы, которая оборачивается теорией рождения понятий из метафор, смыслозидания, теорией культуры в целом» [Брагинская, 2018, с. 74–75]. Именно поэтому в начале 1970-х годов к трудам предвосхитившей семиотику Фрейденберг после длительного забвения первыми обратились представители русской структурно-семиотической школы.

Важную роль в формировании генетического метода, по собственному признанию Фрейденберг, сыграли кроме Веселовского с его вниманием к генезису литературных форм также учение о стадийности Н.Я. Марра и работы И.Г. Франк-Каменецкого, связавшего изучение поэзии с историей развития образного мышления.

Марр исходил из предположения, что «с самого начала процесс глоттогенеза обнаруживал фундаментальные типологические сходства между различными языками человеческих сообществ, находившихся на одинаковом этапе социально-экономического развития» [Тиханов, 2021, с. 245]. В качестве метода изучения происхождения языков он выдвигал семантическую палеонтологию, настаивая на необходимости «изучать именно семантику, причем непременно палеонтологически – так, чтобы раскрыть значения, кристаллизовавшиеся на более ранних этапах (“отложения”, как называл их Марр)» [там же]. «Поскольку Марр считал, – пишет Г. Тиханов, – что язык и мышление неразделимы, общность между языками была в конечном счете основана на общности идей, взглядов и чувств, доступных человечеству и требовавших выражения в различные моменты его экономического развития. Семантическая палеонтология предоставляла доказательства этой общности: она позволяла выявить те строительные блоки, из которых якобы была построена семантическая вселенная человечества» [там же, с. 245–246]. Первоначально Марр выделял двенадцать таких первоэлементов, затем свел все к пресловутым четырем.

Сам ученый практически не распространял свой метод на изучение литературы, однако вышедший в 1932 г. под его редакцией коллективный труд «Тристан и Изольда. От героини любви феодальной Европы до богини матриархальной Африкевразии», посвященный трансформации мотива Тристана и Изольды с доисторических времен до периода феодализма, явился манифестом применения новой методологии в сфере литературоведения. Ее наиболее радикальными представителями стали О.М. Фрейденберг и И.Г. Франк-Каменецкий.

«В отличие от формалистов, которые полагали, что литературность является постоянным качеством, и, таким образом, ограничивали применимость исторического метода исключительно изучением процессов, в ходе которых нелитературный материал включается в установившуюся литературную систему (или, наоборот, части этой системы покидают ее или уходят на ее периферию), – указывает Г. Тиханов, – семантические палеонтологи пошли гораздо дальше, утверждая, что саму литературность следует подвергнуть фундаментальному исследованию, причем не просто проследить ее колебания в диахронном разрезе, а вскрыть гораздо более глубокие явления. Чтобы обозначить свой радикальный отход от прежних позиций, семантические палеонтологи заявили, что *исторический* подход следует оставить для явлений, относя-

щихся к литературной системе, тогда как литературность – то фундаментальное качество, которое делает литературу тем, что она есть, – надо изучать *генетически*» [Тиханов, 2021, с. 253]. Как писала Фрейденберг, «на готовое литературное явление следовало реагировать вопросом о происхождении самой литературы» [Фрейденберг, 1932, с. 6].

Фрейденберг и Франк-Каменецкий выделяли три ключевых этапа в развитии культуры: миф, фольклор, литература, каждый из которых связан с качественно различными способами производства и социально-экономическими формациями. Основное внимание исследователей было сосредоточено на доисторическом периоде – эре мифа и фольклора, на выявлении изначальных семантических пучков и прослеживании их дальнейшей трансформации. При этом то, что на более ранней стадии было содержанием, на поздней стадии, согласно концепции ученых, становилось формой.

Семантическая палеонтология «придерживалась достаточно жесткого различия между современным и досовременным, характеристикой первого считая поддержание и воспитание рациональности и понятийного мышления, а последнему – несмотря на его мощнейшую способность порождать архетипические образы и мотивы – приписывая свойство увековечивать такой способ мышления, который коренится в картине мира, стигматизированной семантическими палеонтологами как «диффузная», недифференцированная, а потому лишенная действенности и реального влияния на общество» [Тиханов, 2021, с. 261]. Конечной границей, отделяющей эпоху готового сюжета от сюжета свободного, т.е. – от эпохи модерна, для Фрейденберг был XIX в.

Воздействие семантической палеонтологии, или генетического метода, на развитие литературоведения в СССР, несмотря на выраженное непризнание, было, по мнению Г. Тиханова, довольно заметным. Сравнительно-стадиальная теория Марра оказалась не чужда Жирмунскому, писавшему в 1936 г.: «Мы можем и должны сравнивать между собой аналогичные литературные явления, возникающие на одинаковых стадиях социально-исторического процесса, вне зависимости от наличия непосредственного взаимодействия между этими явлениями» [цит. по: Тиханов, 2021, с. 270]. Одобрительно Жирмунский отзывался и о «палеонтологическом анализе» как инструменте для описания трансформаций общинной культуры [см.: Жирмунский, 2004, с. 53]. Следы сравнительно-стадиального подхода Г. Тиханов находит и в написанной в 1930-е годы монографии Жирмунского о Гердере (опубл. в 1959).

Идеи Фрейденберг, изложенные в книге «Поэтика сюжета и жанра», которую внимательно читал М.М. Бахтин [см.: Осовский, 2000], нашли отзвук в его исследовании о Рабле. «Разделяя ее понимание пародии как преображенной формы обожествления и почитания, ее чувствительность к сосуществованию серьезного и комического и ее убеждение в том, что греческий роман сам по себе являлся вариантом эпоса, – пишет Г. Тиханов, – Бахтин настаивал на том, что предысторию романа как жанра следует изучать заново» [Тиханов, 2021, с. 270–271].

Наряду с марксизмом, формализмом и психоанализом семантическая палеонтология вписывалась в общую парадигму науки о литературе в СССР 1920–1930-х годов, отстаивая историю литературы «без имен». Сторонником этой концепции оставался и Бахтин, отдавая ведущую роль жанрам.

Генетический метод не был описан в прижизненных публикациях Фрейденберг, хотя в них присутствуют упоминания генетического основания, генетических связей, генетического тождества. Достаточно полное представление об основах метода, полагает С.А. Троицкий [Троицкий, 2017], дают опубликованные посмертно работы исследовательницы – «Вступление к греческому роману» (1922) и «Система литературного сюжета» (1925), хотя в них и нет описания терминологического аппарата.

Генетический метод работает не с фактом, но с фактором – первобытным сознанием, фольклором, «художественностью» (как в работе Фрейденберг «Образ и понятие»). Если факт относится к происхождению некоего объекта, то фактор – «это то, что обеспечивает объект дополнительными или основными смыслами, которые и являются содержанием, а потому фактор относится к генезису» [там же, с. 48].

Так, применяя «генетическое вскрывание и реконструирование» («Поэтика сюжета и жанра»), Фрейденберг анализирует семантику еды, декларируя «равенство образов “еды”, “производительного акта” и “смерти-воскресения”, сливающихся друг с другом и переходящих друг в друга; отсюда их генетическое равноправие, их невозводимость одного к другому; но отсюда и сложность научной терминологии, которая ошибается всякий раз, как хочет уточнить и назвать их значимость» [Фрейденберг, 1997, с. 67].

Подобная процедура «вскрывания» становится возможной в силу наличия между явлением и фактором генетических отношений: генетических связей (описаны в работах «Проблема греческо-

го фольклорного языка», «Басня», «Образ и понятие») и генетических зависимостей («Проблема греческого фольклорного языка»).

Говоря об историчности генетического метода, вряд ли, по мнению С.А. Троицкого, можно утверждать, «что он имеет дело с развитием. Более того, речь идет о динамике, но лишенной пространственного и временного измерения. Историзм на изучаемые объекты, явления набрасывает исследователь, приписывая им разделенность, которая возможна при тождестве. Тождественными могут быть только разные объекты, генетический метод искусственно разъединяет их, но фиксирует их слитность и генетическую связь между собой» [Троицкий, 2017, с. 50]. Например, в работе «Поэтика сюжета и жанра» описано генетическое тождество древней комедии с трагедией в форме ее пародии, тождество инвективных и любовных песен, дифирамбов и элегий. Генетический метод, следовательно, «позволяет находить генетическое тождество у двух-трех близких явлений, описывать их отношения, не сводя их друг к другу, но отмечая их семантическую нераздельность» [там же, с. 51].

Поскольку речь идет о поиске контекстуальных связей между явлениями, т.е. об интеллектуальной реконструкции, Фрейденберг вводит понятие «генетический смысл», понимая под ним «изначальное содержание феномена, которое в процессе развития и исторических трансформаций менялось вплоть до противоположности, но благодаря генетическому методу может быть восстановлено, при этом без ущерба для новых значений» [там же, с. 52–53]. Генетический смысл, по Фрейденберг, зафиксирован в тропах, которые сложились не для поэтичности, а для передачи прямого значения, но были восприняты литературой после утраты исходных связей между объектами, т.е. после вытеснения генетических смыслов.

В рамках теории Марра Фрейденберг развивает тезис о непосредственной связи языка и производственных отношений. Однако «если под производством понимать здесь функциональные отношения между субъектом и объектом, связанные с преобразованием объекта, то мысль Фрейденберг оказывается более чем актуальной, несмотря на то, что выражена она языком материалистической науки, сейчас не употребляемым» [там же, с. 53].

В работе «Образ и понятие», где Фрейденберг обращается к анализу генетических связей понятийности и образности, производя генетическую реконструкцию понятий, которые, по ее мнению, связаны с предшествовавшими им образами, она вместо термина «генетический смысл» использует термин «генетическая основа» и

употребляет его исключительно по отношению к трагедии и в связи со зрительным мимом (агоном).

По Фрейденберг, «общее происхождение определяет различие между однородными явлениями как правильные соотношения между основой и ее состоянием. Факт и фактор одного и того же цикла тождественны. Факт – это основа происхождения, закономерно изменяющая свои состояния в новых особенностях. Какими бы многоликими не были различия факта по отношению к одному фактору, все они однородны друг с другом и комплекс их – с генетической основой» [Фрейденберг, 1988, с. 218–219].

Генетический метод позволяет восстановить культурный контекст и выявить факторы, послужившие причиной того или иного явления. Он дает возможность «реактуализировать вытесненный исходный смысл явления, но реактуализация эта не претендует на замену всех уже сложившихся смыслов и вытеснение их, наоборот, стремится к упрочнению всех этих смыслов, показывая, как и под воздействием каких факторов выкристаллизовались эти более поздние смыслы, т.е. позволяет смутные аллюзии и коннотации сделать осмысленными, поддающимися анализу» [Троицкий, 2017, с. 56].

Идея единства семантики и морфологии стала особым вкладом Фрейденберг в историческую поэтику. Ее «семантология», где под формой понимается «стабилизировавшееся осмысление» и где филология соседствует с изучением религии и мифологии, фольклористикой, этнологией и лингвистикой, «не может не оказаться работой в области поэтики, где ставится теоретический вопрос о бытии и генезисе литературной формы», – работой, которая, как полагает Н.В. Брагинская, может привести к созданию в будущем «подлинно исторической поэтики», превосходящей как историческую поэтику, основанную на литературной истории, так и поэтику формальную, сосредоточенную на форме [Брагинская, 2018, с. 93].

Историческое измерение, отмечает В.И. Тюпа, Фрейденберг внесла и в теорию повествования: «Связав нарративность с возникновением понятийного мышления, Фрейденберг раскрыла относительно поздний приход понимания на смену непосредственному созерцанию и, соответственно, приход рассказывания – на смену показу» [Тюпа, 2021 а, с. 15]. Она доказала, что нарративность – следствие овладения «понятийным мышлением», которое и «создает нарратацию» [Фрейденберг, 1978, с. 227], являясь, следовательно, более поздним феноменом по отношению к миметическому воспроизведению процессуального опыта.

Идеи Фрейденберг предвосхитили современный способ теоретико-литературного анализа, отмечает А. Олейников, рассматривая ее нарративную концепцию [Олейников, электронный ресурс].

Обращаясь к проблеме происхождения наррации в работе «Образ и понятие», Фрейденберг подчеркивает, что античная литература «далеко не обладала законченными формами, которые ей впоследствии стали приписывать. В Греции еще только начинает слагаться художественная система» [Фрейденберг, 1978, с. 255]. Этот незавершенный характер художественной системы, по Фрейденберг, связан с тем, что древнее мышление еще не знало законченных понятий, функцию которых выполняли метафоры. Поэтому в античном повествовании отсутствовало обобщение.

Ту же мысль исследовательница развивает и в работе «О происхождении литературного описания», анализируя свойства эпических описаний и указывая на неумение Гомера справиться с большим количеством описываемых предметов, когда обилием деталей компенсируется отсутствие отбора существенного. Именно из описания позднее рождается повествование.

Принципиальное отличие взглядов Фрейденберг на соотношение описания и повествования от идей французских нарратологов Р. Барта и Ж. Женетта (при несомненном наличии совпадений в рассмотрении вопросов о границах повествовательности) в том, что «она не считает описание “служанкой повествования”, а в избыточности его деталей видит указание на сложные познавательные задачи, которые стояли перед древними авторами... Кроме того, по мысли Фрейденберг, декоративная функция античного описания оказывается, в сущности, производной от задачи включить, внести в состав повествовательного сообщения некую реальную, сотворенную человеком *вещь*»: «изображение мира оказывается прямым продолжением его практического освоения» [Олейников].

Помимо проблематизации представлений об античной литературе как о сложившейся и завершенной художественной системе важным аспектом методологии Фрейденберг был вопрос о происхождении литературных форм и явлений, и именно этот генетический аспект, указывает А. Олейников, отделяет Фрейденберг от современной теории нарратива, никогда не интересовавшейся культурными истоками повествования и рассуждающей о нем как о своего рода трансцендентальной способности человека.

Однако идея Фрейденберг о происхождении повествования не столь уж противоречит исходным установкам нарратологии, где проблема историко-культурного генезиса понятийного мышления

в его повествовательном употреблении «не предполагает его объяснительной редукции к каким-то особым до-логическим, до-повествовательным формам... Когда Фрейденберг говорит о том, что мышление понятиями получает становление из мифологической образности, она не затрудняет себя необходимостью указать на тот исторический рубеж, который позволил бы представить существование этих форм мировосприятия в независимости друг от друга... Представить существование такого “мышления” в чистом виде было бы очень непросто, однако, к счастью, нам и не нужно это делать, поскольку, согласно Фрейденберг, античность уже была эпохой исторического симбиоза образа и понятия. “Конкретное мышление” здесь совсем не исключало “отвлеченного” и выступало во многом лишь в качестве его более слабой версии. Следовательно, когда возникает вопрос о становлении понятийного мышления из мифологической образности, речь может идти только об усилении уже существующей способности к отвлечению явления от его свойств, познающего от познаваемого и т.д.» [Олейников].

Противоречивость позиции Фрейденберг исследователь усматривает в том, что ей так и не удастся доказать «незначительный объем отвлеченности» античного иносказания по сравнению с его позднейшими видами. Античная метафора в аспекте реального исторического бытования выступает у нее как образная и конкретная, а в своей познавательной функции – как понятийная и отвлеченная, и в этом последнем качестве не отличается от «современной» метафоры. «Историческая образность и конкретность античного мышления обнаруживается лишь постольку, поскольку само это мышление оказывается понятийным и отвлеченным, т.е., в конечном счете, современным мышлением» [там же].

Поэтому говорить о нарратологической перспективе в исследованиях Фрейденберг можно лишь в связи с ее интересом к происхождению античных литературных форм в плане проблематизации этих форм как сложившихся и завершенных, но «когда зависимость античной наррации от культурно-прагматического контекста объясняется исключительно ее глубокой древностью и укорененностью в мифе, и сама наррация рассматривается как эпифеномен специфического “образного” мышления, утверждать о близости Фрейденберг современной нарратологической проблематике можно только с существенными оговорками... Везде, где Фрейденберг говорит о несамостоятельности античной наррации, о ее зависимости от “речи” и “показа”, логика рассуждений русского ученого первой половины XX века оказывается на удивле-

ние созвучной западной нарратологии, сумевшей к концу этого столетия избавиться от неприязни к мимесису и пересмотреть свое отношение к той роли, которую выполняет описание внутри повествовательной структуры. Единственное, но принципиальное несовпадение Фрейденберг с современной теорией нарратива заключается в том, что несамостоятельность античной наррации она связывает с конкретным и исключительным этапом *в развитии* языка литературы, когда понятие “передает не то, что значит, и значит не то, что передает”... В том способе отношения к предмету, который нарратология стремится распространить на все известные и значимые виды повествования, Фрейденберг видит только историческую природу античной наррации» [Олейников].

Ключом к пониманию нарратологии Фрейденберг, полагает С.Н. Зенкин [Зенкин, 2017], могла бы служить оппозиция «сюжета» и «наррации», но в специфической, не характерной для сегодняшней нарратологии трактовке.

Эти два понятия, в современной науке образующие конъюнкцию (чтобы было повествование, должны быть сюжет как упорядоченная событийная структура и его изложение), у Фрейденберг находятся в дополнительной дистрибуции – они не только не солидарны, но и не синхронны. «Сюжет» (важнейшее понятие ранних работ ученого, включая «Поэтику сюжета и жанра») связывается с первобытно-«фольклорной» эпохой культуры как определяющая ее фундаментальная форма, «наррация» (понятие, появляющееся в монографии «Образ и понятие») относится к литературной эпохе. Для Фрейденберг сюжет – «не статичный уровень текстуальной конструкции (соотнесенный, скажем, со стилем) и даже не ее динамический фактор (соотнесенный, скажем, с фабулой). Сюжет – это стадия в развитии сознания, точнее – фундаментальная форма, определяющая эту стадию... Внутренние творческие процессы сюжета описываются как разработка нескольких базовых метафор архаического сознания или “представления” – образов еды, рождения, смерти... Сюжет в понимании Фрейденберг имеет не событийную, а чисто семантическую природу: событий как таковых не происходит, потому что все представляет собой развертку одних и тех же метафор, а поступок, акциональный мотив не отделен от совершающего его персонажа, представляет собой его “действенную форму”» [Зенкин, 2017, с. 68–69]. То есть сюжет как базовый элемент первобытного сознания похож на «миф». «Сюжету» у Фрейденберг противостоит «фабула» как более поздняя, обедненная стадия развития сюжета,

возникающая в эпоху понятийного мышления структура причинно-следственных связей, как «свободное» авторское творчество. «В отличие от архаического сюжета фабула предполагает субъектно-объектное разделение: с одной стороны, есть вольное “сюжетосложение”, “фабуляция” сочинителя / рассказчика, с другой стороны, в результате этой операции получается не метафорическое, а каузальное сочленение дискретных событий и нетождественных друг другу действующих лиц. Иначе говоря, фабула – это “полнокомплектное” повествование в современном смысле понятия, где соединены оба его определяющих признака» [Зенкин, 2017, с. 70–71]. Фабула противостоит сюжету как синтагматика, развертывающаяся во времени, – парадигматике, порождающей матрице из метафор.

Интересен подход Фрейденберг к собственно повествовательной деятельности в архаическом обществе, к акту рассказывания, который представляет собой не форму существования сюжета, а магическое действие, заклинание, т.е. элемент самого сюжета, один из его мотивов. Для архаического сознания, как его реконструирует Фрейденберг, существенна эквивалентность между номинативным и нарративным видами слова: «собственно повествование в такой культуре не выделяется из более общего словесно-телесного комплекса» [там же, с. 72]. Оно появляется в дальнейшем в процессе становления понятийной литературной традиции, сохраняя в античной (письменной) литературе свою связь с магическим рассказом – отсюда постоянные темы смерти и небытия. Однако, поскольку «наррацию создает понятийное мышление» [Фрейденберг, 1978, с. 226], наряду со смертью и небытием, содержанием наррации становится отвлеченно-понятийная мысль – Логос.

В силу своей связи с магическим рассказом литературная наррация может служить сакральным предметом: в греческом романе «рассказ оказывается той жертвой, которую возлагают на алтарь» [там же, с. 211]. Никогда, указывает Фрейденберг, античный рассказ «не начинал произведения, не стоял в его конце. Место его – в середине общей повествовательной композиции, внутри анарративной части» [там же, с. 222].

Аналогичным образом происходит с наррацией «как частью риторической речи (например, судебной или эпидейктической): она там занимает строго определенное место как изложение событий, отделенное от их оценки, от восхваления или осуждения участников и т.п. Античная наррация, как положено сакральному предмету, заключена в рамку – социально-ситуативную и собст-

венно текстуальную... В новоевропейской литературе дело обычно обстоит наоборот: в ней повествование служит глобальной формой, обрамляющей визуальные или концептуальные сегменты (например, описания и общие размышления, включенные в романский дискурс)» [Зенкин, 2017, с. 73].

Фрейденберг не принадлежит ни к мейнстримному для советского литературоведения «реалистическому» направлению, в котором повествование описывается исходя из реальных или воображаемых событий как референтов рассказа, ни к «риторическому» (В.Б. Шкловский, В.Я. Пропп, Ю.М. Лотман), где на первый план выходит структура языка и текста, а язык рассматривается как средство коммуникации. Нацеленная на исследование мышления, Фрейденберг в своем анализе повествования никак не затрагивает проблему его рецепции: «в ее представлении повествование выражает, но не сообщает... Соответственно и в своем собственном культурно-историческом нарративе она исходит из производства, а не из восприятия текстов – противопоставляет друг другу безличное “фольклорное” творчество и сменяющее его “личное авторское начало”» [там же, с. 75]. Установка на выражение, а не на сообщение, предполагающее реакцию реципиента, отличает концепцию Фрейденберг от большинства современных направлений в нарратологии, что, считает С. Зенкин, объясняет отчасти «темноту» и непрозрачность ее научного дискурса при кажущемся сходстве ряда идей и терминов.

Если теория повествовательного мотива в отечественном литературоведении зарождается в трудах Веселовского, то основоположником системного подхода к его изучению стала именно Фрейденберг, которая в работе «Система литературного сюжета», как отмечает И.В. Силантьев [Силантьев, 2017], указала, что «все мотивы находятся между собой в одном конструктивном строе, тождественном с основным строем сюжета» [Фрейденберг, 1988, с. 222], а в «Поэтике сюжета и жанра» подчеркнула семантическую основу системности мотива как образной единицы сюжета: «Образное представление о каком-либо явлении передается не единично, а в группе метафор ...и закрепляется в мифе, как в обряде, системно. Таким образом и в мифе, и в обряде создается системность, отражающая систему мышления и систему семантизации» [Фрейденберг, 1997, с. 108].

«Прозаика» – так называли тридцать лет назад теоретико-литературную концепцию Бахтина американские ученые Гэри Сол Морсон и Кэрил Эмерсон [Morson G.S., Emerson C., 1990]. Подчеркивая уникальность и оригинальность бахтинской теории, они указывали, что Бахтин «пытался не *дополнить* традиционную поэтику “поэтикой прозы”, но изменить наши представления обо всех литературных жанрах как поэзии, так и прозы. Он показал, что из одного только правильного представления о природе романа вытекает необходимость иного рассмотрения всех литературных форм и требование “радикального пересмотра основной философской концепции поэтического слова”» [Морсон Г.С., Эмерсон К., 2002, с. 73].

Если формалисты особенно ценили Веселовского за размежевание науки о литературе с философией и эстетикой, то вклад в историческую поэтику со стороны философии, отмечает И.Л. Попова, связан с работами М.М. Бахтина по теории и истории романа. Поворот к герменевтике, осуществленный Бахтиным и его кругом, оформился не в последнюю очередь в полемике с формальным методом. В критике Бахтиным наиболее уязвимых с его точки зрения сторон формализма – претензии на исключительные права на научное мышление и сближение с лингвистикой, вплоть до подчинения, – с одной стороны, и постулирование собственной концепции как контрдоводов – с другой, «были обозначены методологические пределы, в которых могла развиваться наука о литературе в XX веке» [Попова, 2015, с. 45].

Спецификация предмета и метода гуманитарных наук как наук о духе в отличие от наук о природе связана с В. Дильтеем. Гуманитарные дисциплины, которые прежде входили в комплекс философских наук, обособляются, формируя собственный фундамент. Философия начинает довольствоваться более скромным местом в системе гуманитарного знания, но в то же время пытается сохранить свое особое положение среди наук о духе: она начинает куда более нуждаться в своих некогда периферийных дисциплинах – поэтике и эстетике, чем они в ней. Связь между философией и гуманитарными науками в историческом методе Дильтея осуществляет герменевтика. Именно филологизм герменевтики Дильтея, та исключительная роль, которую ученый отводил филологии как науке толкования тестов, подчеркивает И.Л. Попова, задал новый вектор в развитии науки о литературе.

Как и Дильтей, указывает исследовательница, Бахтин исходит из особого положения философии в ряду наук о духе, выступая за необходимость созидания философских основ гуманитарных дисциплин. Он однако не принимает в качестве основы исторического метода «описывающую и расчленяющую» психологию Дильтея, согласно которому центральная проблема наук о духе – научное познание «единичного человеческого существования».

Психологической трактовке личности Бахтин противопоставляет диалогический подход: «понимание» он трактует «не как проникновение в чужой замкнутый мир индивидуальности, “вживание” или “вчувствование”, не в терминах субъектно-объектных отношений, а в духе Гёте, говорившего: “понять – значит развить слова другого человека внутри себя”» [Попова, 2015, с. 58].

Диалогическая философия Бахтина, отмечает И.Л. Попова, разрабатывалась под очевидным влиянием идей С. Киркегора. Это касается и проблемы автора и героя, и «спора с Аристотелем» (формулировка С.С. Аверинцева), т.е. пересмотра границ теоретического познания, стремящегося выстроить отвлеченную от акта-поступка «первую философию» и участного мышления, сосредоточенного на единственности исторически действительного бытия.

Оформленная в эстетических категориях автора и героя диалогическая философия Бахтина «имела в своем пределе цель, не лишенную утопического момента – создание общих философских оснований для теоретического знания, гуманитарного и естественнонаучного, зиждательной опоры для научной теории, какой бы области знания эта теория не касалась: литературоведения, лингвистики, биологии или психоанализа. В своих собственных работах Бахтин остался последовательным, но школы в узко-научном понимании не создал. Его методология изучения слова и образа, жанра и типов культуры “работает” только при условии принятия философских основ мировоззрения. В этом и заключается, по-видимому, главный парадокс теоретической методологии Бахтина: освобожденная от своей диалогической основы она перестает быть и собственно научным инструментом исследования» [там же, с. 63].

Веселовский, противопоставляя свой метод абстрактно-теоретическим суждениям, подчеркивал, что он должен быть историческим, «т.е. способным отвлечь законы поэтического творчества и отвлечь критерии для оценки его явлений из исторической эволюции поэзии – вместо господствующих до сих пор отвлеченных определений и односторонних условных приговоров» [Веселовский, 1989, с. 299]. Историзм был воспринят Бахтиным,

пишет С.Н. Бройтман, «как форма участного, диалогического отношения к “другому”, в том числе к другим стадиям развития сознания, с которыми имеет дело историческая поэтика» [Бройтман, 1998, с. 15], причем этот «другой» для Бахтина не объект, а субъект познавательной активности – таков общий принцип диалогического подхода к любому явлению. Именно с Бахтиным, по мнению исследователя, связано второе рождение исторической поэтики. Бахтин не дал целостного ее изложения, но она стала неотъемлемой методологической составляющей его исследований.

В опубликованной под именем П.Н. Медведева работе «Формальный метод в литературоведении» (1928) Бахтин определяет место исторической поэтики в ряду других разделов науки о литературе – теоретической поэтики и истории литературы. «Поэтика, – пишет он, – дает истории литературы руководящие направления в спецификации материала исследования и основные определения его форм и типов. История литературы вносит свои коррективы в определения поэтики, делая их более гибкими, динамичными и адекватными многообразию исторического материала. В этом смысле можно говорить о необходимости особой исторической поэтики как о посредствующем звене между теоретической социологической поэтикой и историей литературы. Впрочем, чтобы напомнить, что это слова Бахтина, разделение теоретической и исторической поэтики носит скорее технический, нежели методологический характер. И теоретическая поэтика должна быть историчной», и каждое ее определение «должно быть определением, адекватным всей эволюции определяемой формы» [Медведев, 1993, с. 38].

К моменту вступления Бахтина в науку наметилось два подхода к исторической поэтике. Первый, представленный работами современника Веселовского – немецкого ученого В. Шерера, имел своей крайностью модернизацию прошлого: точкой отсчета становилось современное литературное сознание. Второй, развивавшийся Веселовским, напротив, отсчитывал от «чужого», возвращал художественные произведения в их исторический контекст, что также, отмечает С.Н. Бройтман, имело свои крайности: развитие представало как чисто эволюционное, без смены культурных парадигм.

Понимая развитие культуры по аналогии с естественно-исторической эволюцией, Веселовский «овеществлял» свой предмет. Бахтин сделал шаг вперед: он увидел «эстетический объект не как вещно-природный феномен, а как совершенно новое духовное образование, в основе которого лежат персонологические и имма-

нентно-социальные отношения между “я” и “другим”, автором и героем. При таком взгляде “предание” и формы, в которые оно отлилось, перестают быть безгласным объектом, пассивным “материалом”... – они становятся выразительным и говорящим смыслом, “голосом”, включенным в диалогический контекст “большого времени”, притом голосом, которому все еще предстоит» [Бройтман, 1998, с. 19–20].

Таким образом, предметом исторической поэтики, намеченным Веселовским и уточненным Бахтиным, становится содержание эстетической деятельности – «эстетический объект», в терминологии Бахтина; она изучает «генезис и развитие эстетического объекта и его архитектоники как они проявляются в эволюции содержательных художественных форм» [там же, с. 22].

Архитектоника эстетического объекта – это сфера отношений между «я» и «другим», автором и героем, область субъект-субъектных отношений, ибо реален человек лишь в двуединстве «я-другой». При этом Бахтин «исходит из факта фундаментальной укорененности субъектного синкретизма в сознании, из принципиальной необходимости “другого” для “я”, героя для автора» [там же, с. 25]. Важно отметить, подчеркивает С.Н. Бройтман, что за отношениями автора и героя у Бахтина в форме особого рода интенции – «внежизненно активной позиции», без которой невозможно какое-либо авторство, проступает Бог. В обретении подобного рода ценностной позиции – продуктивность бахтинской постановки проблемы авторства.

Идеи Бахтина, однако, все еще недостаточно усвоены современными исследователями, которые, как, например, структурно-семиотическая школа, заменяют эстетический объект «языком» как внеличной системой форм, и речь о субъекте архитектоники не идет. Для Бахтина же «язык» – форма выражения субъективных отношений, и, таким образом, это уже не «язык», а «высказывание».

История форм высказывания – вторая составляющая исторической поэтики Бахтина, которая, полагает С.Н. Бройтман, нашла определенное методологическое отражение в работах А.В. Михайлова, М.М. Гиришмана, В.И. Тюпы. Вместе с тем подлинное исследование вклада Бахтина в историческую поэтику и освоение его наследия еще впереди.

Одну из главных задач исторической поэтики составляет выстраивание длинных линий жанровой истории – от античности к Новому времени. Бахтинская концепция «памяти жанра», введен-

ная для описания подобных линий жанровой преемственности, подробно рассмотрена в статье И.Л. Поповой [Попова, 2016].

В первой половине 1940-х годов в контексте дополнений к книге «Франсуа Рабле в истории реализма» (1940) Бахтин обращается к проблемам «большой памяти» и «нарочитого забвения», имеющим важное значение для теории жанра и теории художественного образа, а также для методологии сравнительного изучения литератур. Эти категории пополнили единый терминологический кластер универсальных понятий, разработанных ученым в конце 1930-х годов в ходе работы над книгой о Рабле, – «большое тело», «большой смех», «большой стиль», «означающих выход за пределы отдельного и индивидуального: индивидуальной жизни и смерти, своего времени, личного и регионального пространства, локальной истории, национальной литературы и т.д.» [там же, с. 75]. При этом «именно теория мениппеи, создававшаяся в 1940-е гг. в рамках дополнений к книге о Рабле, а в 1960-е гг. вошедшая в новую редакцию книги о Достоевском, стала *доминантным контекстом* для постановки проблемы *памяти и забвения*, “большой памяти” и “большого времени”» [там же, с. 76–77].

Бахтин строит свою теорию мениппеи по принципу ретроспекции. Сформулированные им четырнадцать признаков мениппеи стали признаками ретроспективно сформированной области «серьезно-смеховых» жанров, которая предвосхитила некоторые типы европейского романа, а также роман Достоевского, и объединила жанры, никак не соотносившиеся между собой. И если рассматривать эти признаки (представленные в четвертой главе книги «Проблемы поэтики Достоевского») «не как правила, по которым создается текст, а как признаки, на основании которых ретроспективно, “задним числом”, формируются жанры “серьезно-смехового”, – пишет И.Л. Попова, – многие вопросы и недоразумения, возникающие вокруг его теории, могут быть сняты» [там же, с. 81].

Ретроспективно жанровую теорию выстраивали и до Бахтина. В частности, в отношении романа и отчасти мениппеи это сделал П.-Д. Юэ в «Трактате о происхождении романа» (1670). Бахтин неоднократно обращался к этому трактату, однако считал, что жанры серьезно-смехового не получили в нем адекватной оценки: современный Юэ барочный роман действительно испытал большое влияние произведений античной словесности, названных впоследствии греческими романами, но есть и другие жанры античной литературы, которые связаны с историей европейского романа, – сократический диалог и мениппова сатира.

Бахтин «намечает новые принципы построения истории европейской литературы, в основе которой не хронология литературного развития, фиксирующая смену литературных эпох, и не сравнительная типология национальных европейских литератур ...а осевые идеи-образы, как бы прошивающие пространство европейской словесности от античности до наших дней. Одну из таких идей-образов, имеющих множество национальных стилистических разновидностей, Бахтин связывает с мениппеей» [Попова, 2016, с. 84].

Открытие Бахтина состояло в установлении связей между мениппеей и русским романом и тем самым в интеграции русского романа в европейский контекст. Но воплотился этот замысел только в двух сюжетах: в четвертой главе книги о Достоевском и в статье о Рабле и Гоголе.

Формы сохранения и передачи мениппейной традиции нуждались в обосновании, что вызвало к жизни концепцию «памяти жанра». Ее основы были заложены в дополнениях к «Рабле» в начале 1940-х годов (сам термин в это время еще не используется), но в сложившуюся теорию она превратилась лишь в начале 1960-х годов при подготовке четвертой главы нового издания книги о Достоевском, в которой «память жанра» предстала как призванная «описать литературную эволюцию в “большом времени”, где архаические модели или “мертвые” жанры могут возрождаться без уследимого внешнего контакта» [там же, с. 86], независимо от индивидуальной памяти автора.

Идея имманентной памяти литературы не раз подвергалась критике; ее оспорил, в частности, Ю.М. Лотман в статье «Память в культурологическом освещении» (1985) [Лотман, 1992, т. 1, с. 200–202], указав на историческую изменчивость объема памяти и вариативность «локальных семантик». Современная теория придерживается скорее точки зрения Лотмана, нежели Бахтина, однако, полагает И.Л. Попова, идея «генетической» памяти жанра не должна быть отброшена вовсе: она может существенно скорректировать историко-литературные исследования.

Уже в конце 1920-х годов в «Проблемах творчества Достоевского» и в книге о формальном методе Бахтин разграничивает теоретическую и историческую поэтику как синхронический и диакронический подходы к предмету, соотношение которых наиболее отчетливо формулируется во второй редакции книги о Достоевском – там, где речь идет о жанре как об обновляющейся архаике, указывает Н.Д. Тамарченко. По Бахтину, пишет исследователь, «момент радикального обновления одновременно оказыва-

ется возвратом жанра к своему началу, “возрождением” смыслов, которыми “отягощены” его исходные структуры» [Тамарченко, 1998 а, с. 35].

Это положение Бахтин иллюстрирует разбором «Бобка» и «Сна смешного человека» Достоевского, одновременно решая поставленную Веселовским проблему соотношения «предания» и «личного творчества». Эти анализы, замечает Бахтин, «мы давали под углом зрения исторической поэтики жанра. Нас прежде всего интересовало, как проявляется в этих произведениях жанровая сущность мениппеи. Но в то же время мы старались также показать, как традиционные черты жанра органически сочетаются с индивидуальной неповторимостью и глубиной их использования у Достоевского» [Бахтин, т. 6, с. 173].

Хотя у Веселовского и нет концепции жанра, подобной бахтинской, аналогию с ней Н.Д. Тамарченко усматривает в общем плане задуманного ученым труда по исторической поэтике. Так, в главе «Синкретизм древнейшей поэзии и начала дифференциации поэтических родов» речь идет о типе литературного произведения в целом; глава «От певца к поэту» перекликается с идеями Бахтина о «зоне построения образа» и, наконец, глава «Язык поэзии и язык прозы» обнаруживает известную общность со «Словом в поэзии и словом в романе» Бахтина.

Преимственность, очевидно, существует, считает исследователь, но выражена она в каждом случае различно. Наиболее тесно с идеями Веселовского, в частности с его понятием мотива, связана бахтинская теория хронотопов как «организующих центров основных сюжетных событий» романа.

Близко Бахтину оказывается и утверждение Веселовского о «двух совместно развивающихся традициях» поэзии и прозы, в котором уже заложены идеи Бахтина о «соотнесенности сил централизации и децентрализации языкового сознания, а также противопоставление “птоломеевского” языкового сознания поэзии и “галилеевского” языкового мира прозы» [Тамарченко, 1998 а, с. 39].

Что касается проблемы автора и его взаимодействия с героем и читателем, то концепция Бахтина с ее понятием «завершения», т.е. формы как границы между автором и героем, а также имманентностью автора и читателя художественному целому, в отличие от Веселовского, для которого автор – категория исторической реальности, примыкает, по мысли Н.Д. Тамарченко, к другой традиции – к русской религиозной философии, точнее – к дискуссии о Богочеловечестве [см.: Тамарченко, 1998].

Идеи Веселовского и Бахтина соотносятся и в аспекте трактовки перехода от эпоса к роману, т.е. от творчества, не знающего личного авторства, от следования народному преданию к творчеству индивидуальному, к свободному вымыслу.

В статье «Из введения в историческую поэтику» Веселовский особо останавливается на этом моменте, замечая, что в отношении литературы «трудно представить себе теоретически, как и при каких условиях совершился тот процесс, который можно обозначить проявлением в сознании поэтического акта как личного», но можно «на почве европейской культуры с характерной для нее двойственностью образовательных начал» [Веселовский, 1989, с. 48]. Веселовский приводит пример встречи северного викинга с романскими изображениями в ирландской церкви, которые он, не зная предания, начинал объяснять по-своему. Таким же путем, по Веселовскому, развивалась и европейская поэзия: «Поэтическое чутье возбудилось к сознанию личного творчества не внутренней эволюцией народно-поэтических основ, а посторонними ему литературными образцами» [там же]. Решающим импульсом к творчеству нового типа становится, таким образом, встреча культур.

Если сопоставить это с высказанной Бахтиным в статье «Эпос и роман»¹ мыслью о том, что источник эпоса — «национальное предание (а не личный опыт и вырастающий на его основе свободный вымысел)» [Бахтин, т. 3, с. 617], связь его идей с концепцией Веселовского, считает Н.Д. Тамарченко, становится несомненной. Не случайно в работе «Слово в романе» Бахтин упоминает основателя исторической поэтики в связи с соотношением языка и мифа, которые были поставлены в «существенную связь... с конкретными проблемами истории языкового сознания... Потребую и Веселовским» [там же, с. 124].

По Бахтину, в эпосе «точка зрения и оценка срослись с предметом в неразрывное целое; эпическое слово неотделимо от своего предмета, ибо для его семантики характерна абсолютная сращенность предметных и пространственно-временных моментов с ценностными (иерархическими)» [там же, с. 621–622]. Эта «сращенность» преодолевается «только в условиях активного многоязычия и взаимоосвещения языков (и тогда эпоса стала полууловным и полумертвым жанром» [там же, с. 622]. Это перекликается, считает Н.Д. Тамарченко, с замечанием Веселов-

¹ В Собрании сочинений М.М. Бахтина публикуется под названием: «Роман, как литературный жанр» [Бахтин, т. 3, с. 608–643].

ского о викингх. В концепции исторической поэтики Веселовского отсутствовал, по мнению исследователя, единый фундамент, факты поэтики и культуры в целом связывались им посредством образных обобщений, в то время как построения Бахтина носят системный характер.

Веселовский самой постановкой проблемы «Теория или история романа?» (название статьи 1886 г.) заложил основу для «подхода к жанровой форме, взятой не в нормативной статике, а в динамике ее становления», и в этом он прямой предшественник Бахтина, считает И.О. Шайтанов [Шайтанов, 2016, с. 21].

Бахтин дал своей работе «Формы времени и хронотопа в романе» подзаголовок «Очерки по исторической поэтике», а ранее, назвав жанр «непосредственной ориентацией слова, как факта, точнее – как свершения в окружающей действительности», прокомментировал: «Эта сторона жанра была выдвинута в учении А.Н. Веселовского... Он учитывал то место, которое занимает произведение в реальном пространстве и времени» [Медведев, 1993, с. 146].

В понимании Веселовского «роман водворял в литературе новый жанр и интересы к обыденному, хотя бы и опозитизированному» [Веселовский, 2010, с. 594]. Это, считает И.О. Шайтанов, предвосхищает бахтинскую трактовку романа как имеющего «максимальный контакт с настоящим»².

Бахтинскую «прозаику», по мнению исследователя, Веселовский предвосхитил и в ряде других характеристик жанра. Например, излагая взгляды немецкого теоретика романа и писателя Ф. Шпильгагена, Веселовский соглашается с ним в том, что Гомер «выводит на сцену уже готовые характеры, которые, столкнувшись, дают в результате исход, заранее определенный их сущностью; в романе, наоборот, выступают не готовые люди, а развивающиеся в той широкой жизненной обстановке, которая является необходимой декорацией романа» [Веселовский, 2010, с. 594].

Жанры, писал Бахтин в работе «Проблема речевых жанров» (1979), – «это приводные ремни от истории общества к истории языка» [Бахтин, т. 5, с. 165]. Бахтин, считает И.О. Шайтанов, дописывает сюжет исторической поэтики, замыкая его, «возвращая к тому, с чего начал Веселовский, реконструируя истоки словесного речевого искусства. Жанр возвращается в историческую поэтику как еще одна грамматическая категория поэтического языка» [Шайтанов, 2016, с. 23].

² Об этом см. также: [Осовский, 1991].

Эксплицированные в позднейших заметках Бахтина «К методологии гуманитарных наук» понятия «большого времени» и «контекста» свидетельствуют, по мнению С.А. Шульца, о воздействии на формирование взглядов мыслителя трудов Ф.Ф. Зелинского (университетского преподавателя Бахтина) о «жизни идей» в культуре и работы Вяч.И. Иванова о Дионисе и прадионисийстве [Шульц, 2000]. Бахтин отталкивается от всех форм каузальности и детерминизма и, устанавливая самые неожиданные параллели в целях раскрытия глубинного смысла явлений, предлагает свое решение одной из важнейших проблем исторической поэтики: «как выстроить ряд самодвижения и внутренней динамики литературных форм таким образом, чтобы единство литературной эволюции, укорененной в живой истории и культуре (частью которых является, по Бахтину, и литературовед как личность), в то же время не зачеркивало бы индивидуальную специфику произведения» [там же, с. 63–64].

Это решение проблемы спецификации при подразумеваемой целостности («контекст» и «большое время») состояло в постулировании динамичности и дискретности этой целостности, в признании ею собственной относительности во избежание догматических унификаций. Бахтинская методология, считает С.А. Шульц, позволяет выстраивать фрагменты исторической поэтики «из разных точек литературного процесса, понимая их в качестве эпицентра. Связь между эпицентром и его контекстом двоякая: как первый задает определенную перспективу и ретроспективу истолкования, так и второй помогает первому реализовать свои смыслы» [там же, с. 64]³.

Понятие «историчности» как методологически значимое раскрывается в работах Бахтина 1930-х годов, но не оговаривается как именно теоретико-литературное или аналитическое. Поэтому, чтобы раскрыть его сущностный смысл, считает Г.И. Данилина, следует обратиться к контексту становления «эстетики словесного творчества» Бахтина в целом [Данилина, 2006].

Обосновывая «эстетику словесного творчества» как отличную от понятийно-теоретического познания область гуманитарного познания, Бахтин переосмысливает содержание гносеологических категорий «субъекта» (познающего) и «объекта» (познаваемого) и отношения между ними.

³ См. также: [Шульц, 1995].

«На уровне “субъекта” как познающей инстанции Бахтин, – пишет Г.И. Данилина, – открыл своеобразие художественного мышления как мышления “изображающего”. “Объект” также был переосмыслен – благодаря осуществленному именно в 20-е годы развеществлению произведения, выведению его из состояния “вещи”, “наличия”, “готовости” в архитектурно-эстетическую форму и эстетическую деятельность. Соответственно, и отношения “субъекта” и “объекта” познания в “эстетике словесного творчества” принципиально изменились: это уже не отношения противопоставленности субъективного “активного” познающего начала объекту как началу пассивному и “данному”: это отношения их взаимодействия и диалога» [Данилина, 2006, с. 73]. Адекватный подход к этой области, по Бахтину, должен быть «историческим».

Здесь, однако, возникает методологическая проблема: с одной стороны, в исторической перспективе произведение – не вещь, поскольку способно менять со временем свой познавательный смысл, с другой – оно представляет собой некое завершенное целое. Решение этой проблемы ведет Бахтина «к такому пониманию произведения, при котором его “целое” может быть увидено в отношении к другому, большему целому – самой истории. В этом случае методологический акцент должен делаться не на изолирующем и внешне-формальном описании произведения через его эпоху (позитивистская фиксация “фактов” эпохи, “отраженных” в тексте), а как раз на отношениях – на выявлении сложных, опосредующих связей между произведением и историей» [там же, с. 74].

Предмет исследования предстает как «единство исторического процесса становления культуры» [Бахтин, т. 1, с. 280], и поскольку, кроме диалектики Гегеля, в 1930-е годы другого метода исследования процессуального целого не существует, Бахтин работает с гегелевскими понятиями, в частности с понятием момента как элемента некоторого целого, включая процесс, совершающееся событие. «Только методическое строгое понимание и изучение автора как момента эстетического объекта, – пишет Бахтин, – дает основы для методики психологического, биографического и исторического изучения его» [там же, с. 323].

Бахтин, подчеркивает Г.И. Данилина, актуализирует диалектический метод Гегеля на общем фоне его резкой критики как методологически несостоятельного. Так, О.М. Фрейденберг в своей книге «Поэтика сюжета и жанра» замечает: «Гегель с его саморазвитием духа является творцом той динамической эстетики, которая ошибочно получает название исторической: такая историч-

ность имманентна и лишена всяких связей с материальным миром» [Фрейденберг, 1997, с. 9]. Гегель оказывается «неисторичен» для науки о литературе, потому что все исторически-конкретное для него подлежит «снятию», преодолению в «общем». Методу Гегеля Фрейденберг противопоставляет свой генетический анализ, призванный показать единство семантики и морфологии литературы.

Подход Фрейденберг – «это подход А.Н. Веселовского, на концепции которого она строит проблематику своей работы. Но подход А.Н. Веселовского (может быть, не сам подход, а характер его реализации в конкретных работах) не мог удовлетворить Бахтина: в нем не учитывается специфика художественного мышления, не отражающего “общественные отношения” ... а “изображающего” – и мир, и человека – в “опосредовании” социальной реальности. Не учитывается и внутренняя динамика “эстетического объекта”, раскрытие процессуального характера которого было своего рода методологическим противостоянием Бахтина позитивистским тенденциям советской науки» [Данилина, 2006, с. 76].

Бахтин переосмысляет гегелевскую иерархию, в которой «художественное познание» как познание в представлениях и образах ставится ниже познания в понятиях – философского. Выявляя специфику художественного мышления, где познание неразрывно слито с изображением, Бахтин открывает – через Гегеля – важную для науки о литературе проблему «историчности».

В 1920-е годы Бахтин трактует процессуальное начало «как то смысловое звено, которое соединяет между собой произведение как архитектурную форму – заверченный результат “эстетической деятельности”, и произведение в его исторической открытости, в “художественной жизни”. В контекст методологической проблематики закономерно входят сориентированные на анализ процессуальных явлений гегелевские понятия, и их посредством актуализируется, хотя пока и не используется, гегелевский диалектический метод» [там же, с. 77].

В работах 1930-х годов – «Формы времени и хронотопа в романе», «Роман воспитания и его значение в истории реализма», «Роман, как литературный жанр», «Из предыстории романного слова», «Слово в романе» – Бахтин, интерпретируя время и пространство в эстетическом восприятии как «формы самой реальной действительности», обретает тем самым возможность вписать произведение в реальное историческое время. «Историчность художественного мышления, как его онтологическая характеристика,

становится своего рода методологической предпосылкой, на основе которой могут рассматриваться и изучаться историчность эпохи, творческого самосознания писателя, историчность героя или изображенного мира» [Данилина, 2006, с. 82].

«Проблема освоения реального времени, т.е. проблема освоения исторической действительности в поэтическом образе» [Бахтин, т. 3, с. 497] раскрывается Бахтиным как проблема историчности художественного мышления: «оно живо своей исторической “участностью”, но при этом отнюдь не копирует социальную реальность, а создает “новое бытие в новом плане мира”, связанное с “реальной действительностью” эпохи и с ходом культурной истории глубокими и сложными отношениями, изучение которых подлежит ведению “эстетики словесного творчества”» [там же, с. 86].

Бахтин, отмечает исследовательница, разводит «формы времени» и «формы хронотопа» (что видно уже из названия его работы – «Формы времени и хронотопа в романе»). Умение писателя видеть и изображать время, связанное со степенью «историчности» его художественного мышления, становится научным критерием при изучении произведения; хронотопичность же «характеризует это мышление с точки зрения направленности на создание определенного временно-пространственного смыслового целого. Поэтому Бахтин говорит о жанровом значении хронотопа, а “историчность” раскрывается им как понятие процессуальное» [там же, с. 87].

Концепция «историчности художественного мышления» Бахтина, отмечает Г.И. Данилина, оказала большое воздействие на концепцию исторической поэтики А.В. Михайлова, поставившего новую задачу: изучения «историчности» научного сознания.

Новый историзм А.В. Михайлова

В статье, посвященной Г.Г. Шпету, А.В. Михайлов писал: «Современная историческая поэтика – это, скорее, заново рождающаяся, нежели уже осуществившаяся дисциплина. Задача ее – не просто продолжить грандиозный для своего времени замысел академика А.Н. Веселовского, но продумать его заново, исполнить по-новому» [Михайлов, 2006, с. 451].

Определявший историческую поэтику как «существенное ядро науки о литературе» [Михайлов, 1989, с. 57], Михайлов, исполняя по-новому замысел Веселовского, включает в теорию ис-

торической поэтики представление об историчности самого научного знания, называя это «процессом историзации всего знания»: «Любое относящееся к науке о литературе знание, – пишет он, – включено в непрерывный поток осмысления. Таким образом, наука находится в движении относительно принципиально движущегося материала. Вследствие этого истории науки как носительнице и держательнице всей этой сложной динамики может быть присуще фундаментальное значение, и у нее есть все шансы к тому, чтобы из некоторого полуархивного приложения к собственно творческим, продуктивным разделам науки о литературе сделаться в будущем ее творческим центром. Фактографическое изучение прошлого не может не быть сопряжено при этом с всесторонним осмыслением всего фактического и с анализом самого этого осмысления» [Михайлов, 1989, с. 3].

«Доминирующей интенцией михайловской мысли» в условиях краха советской модели истории стало, по мнению В.Л. Махлина, выдвижение в качестве реальной задачи и реально-го предмета «наук о культуре» как наук исторического опыта «не историософски понятой проблемы истории» [Махлин, 2009, с. 484, 486]. Идея «нового историзма» как краеугольный камень научной методологии Михайлова – трансформация германского идеализма и романтизма. Ученый «поставил дело своей мысли, диалог с Германией, как грандиозную задачу соединения русской традиции “исторической поэтики”, возникшей тогда, когда век для России и Германии был един (почему и сопоставление научной программы Александра Веселовского и “Поэтики” Вильгельма Шерера не кажется натянутым), и германского проекта самокритики философского разума» [там же, с. 490].

Этот сюжет берет свое начало от В. Дильтея и через феноменологию Э. Гуссерля ведет к М. Хайдеггеру и к Г.Г. Гадамеру. «Замысел Дильтея – соединить теорию поэзии с теорией истории, заново найти и познать познанное Аристотелем и всей классической традицией – вот, что, похоже, действительно отвечает интересам и задачам А.В. Михайлова как переводчика и исследователя Дильтея» [там же, с. 494].

«Развертывание свернутой в себе истории, ее выход из состояния в-себе-бытия в состояние для-себя-бытия, – отмечает В.П. Визгин, – вот этот процесс и есть историзация. Скрытые смыслы слов должны для этого быть раскрыты. Гуманитарное познание выступает как служба такой историзации. В ней Михайлов видит “культурно-историческую задачу небывалого масштаба,

решать которую суждено современному человечеству”, так как бытие в истории осознается человеком с опасным для него запаздыванием по сравнению с аналогичным осознанием пространственного измерения реальности» [Визгин, 2018, с. 34].

Согласно концепции Михайлова, пишет Г.И. Данилина, «любой смысл, который создается писателем или его исследователем, неразрывно включен в “развернутость истории” своего времени и не может быть понят вне осознания этой связи. Историчность характеризует слово науки по способу его бытия столь же всеобъемлюще, как и слово художественное» [Данилина, 2018, с. 169]. Проблема самоосмысления, таким образом, – первостепенная для науки о литературе, но «докопаться до своего дна» она все равно не сможет «в силу историчности слова: мышление истории изменчиво и не может быть формализовано на уровне аксиоматически бесспорных утверждений» [там же].

Прежнему историзму, известному в России с XIX в. и подразумевавшему, что история литературы представляет собой процесс смены эпох в соответствии с социально-историческими закономерностями, историзму, который сам являлся «произведением истории» и больше не отвечал, по мысли Михайлова, реальному положению дел, ученый противопоставляет такое понимание истории, в котором она перестает быть объектом познания, – понимание, которое полностью включает исследователя «в процесс того, чем тот занимается: с него же, с исследователя и вообще со всякого носителя исторического сознания, и начинается всякий раз восстанавливаться, реконструироваться и разворачиваться, раскрываться история» [Михайлов, 2006, с. 233]. И если старый историзм «только учил все ставить на свое место в истории (“конкретно-исторически”)), новый принцип историзации, «радикализуя наше сознание истории, – писал Михайлов, – велит нам рефлексировать взаимосвязь нашего и чужого, своего и иного в едином пространстве истории» [Михайлов, 1996, с. 9].

«Научиться переводить назад и ставить вещи на свои первоначальные места» – такую задачу выдвигает Михайлов, связывая идею «обратного перевода» с принципами исторической поэтики [Михайлов, 2000, с. 16]. По Михайлову, только та эпоха, «которая породила идею исторической поэтики, впервые ставит вопрос об обратном переводе, т.е. о том, чтобы вернуть произведения культур прошлого на положенные им места в целом историко-культурном генезисе, в их мир, поместить их в свои родные дома и

вместе с тем понять всю обстановку их места и дома, то что названо расшифровкой языков культуры» [Михайлов, 2006, с. 44].

В идее «обратного перевода», пишет Г.И. Данилина, Михайлов «находит теоретико-методологический принцип, согласно которому “язык культуры” становится возможным обозначить в его синхронном и одновременно исторически подвижном единстве, а значит, изучать не “суммарно”, в виду набора определенных фактографических реалий, неизбежно в той или иной мере случайного, а синтетически-предметно, как смысловое целое, что было сделано в русской исторической поэтике впервые» [Данилина, 2010, с. 10].

«Историческая поэтика» Веселовского наметила основы нового – динамического – подхода к истории словесности, учитывающего принцип нелинейности, отмечает М.Ф. Надъярных. Оказионально было введено понятие «ретроспективности», обозначившее «все разнообразие возвращений к “забытым” (“вымершим”) сюжетам, образам, темам, оживающим в новом художественном видении... А.Н. Веселовский, в сущности (впервые в науке о литературе), осуществляет сравнительно-типологическую реконструкцию динамики смыслов словесности, впервые очерчивая контуры системы *возвратно-поступательных, нелинейных тенденций* в литературном процессе, выявляя в литературном процессе факторы и механизмы цикличности» [Надъярных, 2018, с. 205]. И если в дальнейшем в отечественном литературоведении возобладал стадially-линейный подход, то работы Михайлова, считает исследовательница, вновь возвращают к нелинейной смысловой многомерности слова в его культурной и литературной динамике.

Размышлениям ученого о категории историчности оказались глубоко созвучны идеи Г.Г. Шпета, которого Михайлов считал одним из вдохновителей современной исторической поэтики. Очень важным для Михайлова стало представление Шпета об истории как «действительности, которая нас окружает», которая должна быть осмыслена в своей подвижности как «действительность историческая», чей «порядок» задается словом как «архетипом культуры» [Данилина, 2007, с. 197]. Это слово, пишет Г. Данилина, «может быть найдено и понято лишь “изнутри” той действительности, которая “окружает” каждое высказывание. Отсюда следует, что для Шпета именно “действительность” определяет и “основания” науки, и ее предмет» [там же, с. 198]. Поэтому сознание личности, по Шпету, не индивидуально, но социально, и это общее «культурное сознание» является для «действительно-

сти» объединяющим началом, предопределяя смысловое содержание отдельных ее «частей».

Концепция истории Шпета помогает Михайлову в решении сформулированной им задачи построения теории литературы, которая не накладывала бы на исторически становящийся материал неподвижных и априорных схем. «Для “субъекта” познания и его “объекта” он находит объединяющее их “основание”: это история как “смыслопорождающий процесс”, на каждом этапе которого создается особое смысловое содержание... Если историю понять не как прошлое, навсегда замкнувшее на себе свои “смыслы”, а как “окружающую жизнь” – окружающую и нас сегодня, и произведения давно ушедших эпох, то потенциально намечается путь к исторически адекватному пониманию литературных произведений – из “их”, а не “нашего”, понимания Слова» [Данилина, 2007, с. 199–200].

Принцип историзма был известен отечественной науке уже с 1930-х годов (работы О.М. Фрейденберг, М.М. Бахтина) как имеющий отношение к глубокой связи произведения со своим временем, но он не соотносился с эволюцией научного сознания. Своего рода ответ на вопрос об историчности научного знания, данный Бахтиным («Ответ на вопрос редакции “Нового мира”»), указавшим на «обогащение» и «переакцентуацию смыслов» в ходе истории, не привлек должного внимания отечественных исследователей. Дело в том, пишет Г. Данилина, что «понятие историчности жило в русской культурной традиции... в собственном, совсем не герменевтическом значении, и указывало на историческую достоверность изображенного в произведении мира – сюжетов, героев, образа действительности в целом. Тем самым оно имплицитно утверждало в качестве бесспорной способность современного исследователя “объективно” судить о прошлом; эту способность догматически превращал в обязанность “советский” историзм» [Данилина, 2008, с. 8], лишая ориентированное на раскрытие «авторского смысла» отечественное литературоведение научной релевантности.

Проблему «историчности» как насущную для отечественной науки одним из первых обозначил А.В. Михайлов, обратившись для ее решения к опыту русской исторической поэтики с целью ее актуализации, включения в современное теоретическое мышление представления об «историчности историка».

Ответ А.В. Михайлова противоположен немецкой традиции соотнесения индивидуального опыта с «вневременной абсолютностью» и опирается на присущее отечественной традиции чувство

«изначальной целостности бытия», «субстанционального мышления истории», которое, замечает Г. Данилина, становится творческой предпосылкой его исторической поэтики. Эту субстанциональность Михайлов находит у А.Н. Веселовского, связывавшего предмет исторической поэтики со всем целым культуры, а развитие этой мысли усматривает в понятии «социально функционирующего» слова у М.М. Бахтина.

По мнению Михайлова, «предмет исторической поэтики должен сегодня видеться так, как представлялось Веселовскому. Это широко понятое Слово, к которому стягивается все целое культурной истории, создаваемой “общественным сознанием” в его сменяющих друг друга “формах”. Но в него должно войти и “осознание историчности всякого факта науки. Поэтому, с точки зрения Михайлова, его следует назвать “движущимся содержанием”. Предмет науки представляет собой многоуровневое целое: первый уровень – собственно “литература, словесность”, второй – “осмысление литературы” (теория и история литературы), далее – “история науки о литературе и, наконец, “историческая поэтика”» и может быть определен как «историческая метаморфоза Слова» [Данилина, 2008, с. 16].

Оспаривая и принцип историзма, рассматривающий историю литературы как линейный процесс смены литературных направлений, и синхронно-системный поход (И.П. Смирнов), Михайлов «ставит вопрос о “диалектике части и целого. Опираясь, с одной стороны, на Гегеля, с другой – на опыт отечественной традиции науки (Веселовский, Бахтин), ученый разрабатывает диалектические принципы в изучении истории Слова. Гегелевские понятия и категории получают в его интерпретации “жизненный” смысл. Так, представление о диалектическом “переходе” Слова из одного состояния в другое позволяет имманентно связать между собой части и целое – все “отдельные” эпохи, весь “движущийся материал” исторической поэтики в общем становлении литературного процесса» [там же, с. 17].

Именно поэтическое слово и литературное творчество в целом может, согласно концепции А.В. Михайлова, дать все ответы на вопросы об историческом мире. «Литература» и «история», замечает А. Афанасьев [Афанасьев, 2016], – ключевые понятия гуманитарной науки для ученого, а «наука о литературе» практически синонимична «науке о культуре». Гуманитарное знание, по Михайлову, требует нового отношения к истории, которое «определяется пониманием исторического процесса как смены и со-

существования различных “языков культуры”, освоение которых осуществляется с помощью определенных герменевтических процедур (“обратный перевод”, “замедление”)... Открытие способности воспринимать “иное” как “свое” или, иными словами, наделение прошлого субъектными качествами и есть то, что понимается под предложенным Михайловым словосочетанием “новый историзм”. В историческом ракурсе перед нами, в известном смысле, – проблема усвоения традиции, реновация истоков собственной культуры через овладение языком прошлого... Освоение языка “Другого” и принятие “Другого” (здесь Михайлов выступает как наследник М.М. Бахтина) касается не только прошлого, но и современности, становясь фундаментальной коммуникативной проблемой» [Афанасьев, 2016]. В работах Михайлова нашел свое развитие «герменевтический поворот», начатый в отечественной гуманитаристике М.М. Бахтиным и озаглавленный в литературоведении дрейфом в сторону философии. Опираясь на М. Хайдеггера, Михайлов «вплетает» «историческую поэтику» А.Н. Веселовского, зародившуюся в ситуации кризиса философии, и потому стремления гуманитарных наук размежеваться с ней, в ткань складывающейся философско-герменевтической традиции, ставя, однако, на место «бытия» – «слово», которое в своем историческом развитии «становится для Михайлова подлинным субъектом исторического процесса, и именно в этом заключается его “герменевтический поворот”, имеющий следствием проект историзации гуманитарного знания... Прошлое здесь перестает быть объектом. “Новый историзм” Михайлова вырастает из его критики “модерноцентризма”: он снимает противопоставление прошлого и современного, отказываясь мыслить актуальное состояние науки как “вершину” ее “развития” и на основании этого лишает ее права на выработку критерия научности» [там же]. Этот отказ от «модерноцентризма» есть отказ от того, чтобы понимать свой «взгляд на вещи как исторически безотносительный и как естественный» [Михайлов, 2006, с. 231], т.е. признание исторической относительности исследовательского взгляда: «Преодоление субъективности собственной исследовательской позиции означает у Михайлова открытость обратному влиянию исторического материала, его реактуализацию в современном контексте» [Афанасьев, 2016]. В этом состоит переоткрытие оснований научности посредством историзации.

Сам научный язык Михайлова «отражает это состояние проблематизации знания через требование отказа от предпосылок

собственной позиции по отношению к прошлому и, таким образом, его историзации... Герменевтическая установка Михайлова сводится в итоге к тому, что работа с источником здесь рождает понимание того, как с ним работать, а не наоборот ...если мы не овладеем языком источника и не заговорим с ним на его *собственном* языке (т.е. не осуществим “обратный перевод”), мы лишь получим подогнанный под наши готовые суждения материал, укрепимся в собственном заблуждении» [Афанасьев, 2016]. Только отказ от рассмотрения человеческого сознания на протяжении веков в качестве константы позволит, согласно Михайлову, «снять ограничение для исторического мышления и создать предпосылки для формирования более адекватного образа человека разных эпох, постижения “конкретных типов культуры” и понимания различных “языков культуры”» [там же].

Слово теории, писал Михайлов, находится «в глубоком родстве со словом самой поэзии» [Михайлов, 1997, с. 17]. Возникнув как «отщепление от целостности поэтического слова», литературная теория, по Михайлову, нацелена на задачу «реконструировать поэтическую память веков, т.е. поэтически осмысленную и постигнутую целостность исторического развития» [Исрапова, 2019, с. 18].

Сложность для литературоведа, полагал А.В. Михайлов, состоит в том, что наука исследует постоянно движущийся материал, в то время как ее терминологический аппарат в целом статичен: «Систематически построенный и продуманный терминологический аппарат терминов движения – это большое преимущество для науки... он служит системой таких приспособлений, с помощью которых может осуществляться исследование движущегося, текущего материала литературной истории» [Михайлов, 1997, с. 43]. Термины движения – это, по сути, «строительные леса» – их «уберут, когда дом будет построен: эти леса стоят, между тем как дом возводится, т.е. постоянно находится в движении относительно лесов как неподвижного, статического и заранее “заданного” момента» [там же].

Каждое из «основных слов» науки, считал Михайлов, выступает и как «слово культуры», как опыт ее самоосмысления. Поэтому «основное слово» должно быть понято в своем «историческом разворачивании», в совокупности и единовременности своих культурных смыслов, открывающихся как «иные» и противоречащие друг другу и в то же время проясняющие «свое», имплицитно скрытое содержание.

Ученый предпочитал говорить не о терминах, но о «ключевых словах» науки о литературе, потому что термин – «это слово, возведенное в степень, что отгораживает его от слов обычного языка и замыкает в систему... Михайлов же дорожил тем в языке филологической науки, чем он неотторжим от естественного, обычного языка» [Бочаров, 2018, с. 60].

Назвав в нетерминологических категориях обыденного языка две творческие линии слова, идущие от Гёте и от Пушкина, – *творчески-изобильное* и *творчески-экономное слово*, сам Михайлов, пишет С. Бочаров, примкнул к гетеанской традиции слова творчески-изобильного – «к старой риторической традиции, которую он облюбовал как поле своих исследований, с любовью к сложному разветвлению мысли и к непрямому, кружащему, нелнейному ходу речи, к словесному изобилию и игре» [там же, с. 63].

Эта особенность научного стиля Михайлова отмечается многими исследователями. Как указывает А. Гугнин, ученый «писал так, словно он постоянно взвешивал каждое слово, вглядывался в него, прислушивался к нему, уточнял его значения и смыслы: словарные и контекстуальные, прямые и метафорические, современные и исторические. В результате читатель получает наглядную демонстрацию самого принципа научного мышления – научности не схоластической, но доподлинной, заставляющей погружаться не только в рациональную логику написанного текста, но и в сам процесс разворачивающегося прямо на глазах (т.е. непосредственно при написании текста, а для нас – при чтении) исследовательского мышления» [Гугнин, 2018, с. 72].

Михайлова занимал «человеческий» аспект науки о литературе, состоящий, по его убеждению, в том, что «наука эта не может размежеваться с обыденными “просто человеческими” суждениями, и это *бытийная* ее черта. Напротив, попытки превратить науку о литературе в науку точную, работающую точными методами, несостоятельны не потому, что они, скажем, *не осуществимы*: всякая такая попытка, если бы она увенчалась успехом, создала бы *иную* науку по сравнению с той наукой о литературе, какая уже имеет свою традицию, и *вместе с тем* не имела бы малейших шансов упразднить *ту* науку о литературе, какая уже имеет свою традицию... Невозможность отмежеваться от “обыденных” суждений для всей науки и от “просто” человека в себе для литературоведа – это *просто* реальность *этой* науки, реальность, с которой надо *просто* считаться» [Михайлов, 2001, с. 243–244].

Именно стремлением рассматривать любое явление культуры «в полнокровном историческом потоке, изнутри его» [Михайлов, 1983, с. 115], объясняется отказ ученого от формально-логических определений как не учитывающих изменчивость внутреннего содержания терминов. Важнейшей задачей современной науки о литературе, по А.В. Михайлову, должны стать «занятия историей ее слов и понятий, пребывающих в вечном историческом движении и в смысловой неустойчивости» [Михайлов, 1994, с. 22].

Что же касается истории науки, то, считал Михайлов, это – «не история ее преодоленного и превзойденного прошлого, а *история* ее сущности и *ключ* к ее сущности. Это, скорее, даже история ее будущего, в котором обязаны будут пере-устроиться и найти себе новое место все известные и доступные нам *языки* знания о литературе с их, присущей им, неотъемлемой истиной» [Михайлов, 1996, с. 14].

При всей широте своих научных интересов Михайлов, замечает Т.А. Касаткина, оставался тем не менее человеком одной, хотя и необъятной, темы – *слово*. В своих работах он говорит о почтении к слову и о почтении вообще как неотъемлемом признаке культуры. Главная беда наук о культуре – поспешное теоретизирование, когда исследователь заслоняет собой свой предмет, быстро встраивая его в схему. Между тем слово «теория» по своей этимологии означает «созерцание священного зрелища», «богопознание», т.е. раскрытие того, что есть сущего в вещи. А история – это проявления «теории» в эмпирике. Таким образом, история и теория неразделимы и друг без друга бессмысленны. Слово, по Михайлову, «и выступает как “теория” предмета (“предлежащего”), вещи... Слово – область, где вещам дано существовать как смыслам» [Касаткина, 2013, с. 127]. Поэтому общение с вещами может быть лишь через слово, а восприятие их как напрямую доступных – лишь иллюзия, сформировавшаяся на рубеже XVIII–XIX вв. Исследователь культуры и призван постичь «то, что знают в себе слова» [Михайлов, 1996, с. 16].

Однажды явленный в слове смысл продолжает существовать во всех последующих переосмыслениях слова, он, по Михайлову, продолжает существовать как *иное* для нас и не может быть присвоен нами в снятом виде. «Правда существует в каждом повороте истории слова, и часто правда предшествующих эпох оказывается богаче, философски насущнее, чем правда эпох последующих... Наша задача – *дать быть* этой правде и этому смыслу... позво-

лить ему существовать в его, отличной от нашей, правде» [Касаткина, 2013, с. 129].

Для исследователя, полагал Михайлов, существует «закрытое слово», т.е. слово как итог своего исторического развития, причем сам путь, пройденный словом, даже не осознается как существующий. Поэтому слово открыто для наполнения произволу исследователя. Особенно это относится к «ключевым словам» науки о литературе, науки о культуре, представляющим собой «теорию» некой сущности культуры, которые на разных этапах переосмысляются, но сохраняют в себе как все уже открытые в истории, так и еще не явленные смыслы. Разработка этих «ключевых слов» науки – единственно перспективный путь для теории литературы и культуры, полагал Михайлов. В то же время это и путь самоосмысления науки, учет всех вариантов теоретического использования «ключевого слова» наукой, еще не задумывавшейся о своих основаниях.

На связь проблемы самоосмысления науки о литературе с разработкой понятия «ключевых слов истории культуры» у Михайлова указывает и Е.В. Иванова [Иванова, 2018], отмечая, что первоначально в работах ученого речь шла о «терминах движения», т.е. понятиях, способных развиваться вместе с явлением. Понятие «ключевые слова» появляется в исследованиях Михайлова в поздние годы, развивая то новое, что было заложено в «терминах движения», но в то же время охватывая более широкое историко-культурное поле.

Исследование Э.Р. Курциуса «Европейская литература и латинское Средневековье» (1948; 2-изд., перераб. и доп. – 1953) [Курциус, 2020], снискав признание как классический труд по теории литературы, долгое время не соотносилось с отечественной исторической поэтикой, отмечает И.Л. Попова, хотя случаи использования идей и методов немецкого ученого имели место. В последнее время имя Курциуса в связи с русской исторической поэтикой вспоминают все чаще [Попова, 2021, с. 275].

Немаловажную роль в ознакомлении отечественного читателя с Курциусом, считает А.И. Жеребин [Жеребин, 2011], сыграла цитата из его работы, дважды приведенная Михайловым – в статье «Историческая поэтика в контексте западного литературоведения» (1986) и в книге «Проблемы исторической поэтики в истории немецкой культуры» (1989), основная мысль которой заключена в словах: «Видеть европейскую литературу как целое можно лишь тогда, когда обретишь права гражданства во всех ее эпохах от Го-

мера до Гёте... Разделение европейской литературы между известным числом филологических дисциплин, никак не соединенных между собой, препятствует этому совершенно» [Михайлов, 2006, с. 51]. В статье 1986 г. Михайлов сопровождает цитату замечанием: «Это ли не программа определенной исторической поэтики – хотя бы в одном плане?» [Михайлов, 2000, с. 521].

Он не приводит продолжения цитаты Курциуса, где, в частности, есть такие слова: «Специализация... открыла путь для новой универсализации. Однако это обстоятельство остается неизвестным, и применение ему по-прежнему не найдено» [Курциус, 2020, с. 88].

Слова Курциуса проясняют высказанную Михайловым в статье, посвященной Г.Г. Шпету, мысль о том, что современная историческая поэтика призвана исполнить замысел Веселовского по-новому, считает А.И. Жеребин. Михайлов, предполагает он, имел в виду, что к началу XX в. путь дифференциации и специализации еще не был пройден до конца, это и стало препятствием к завершению здания исторической поэтики Веселовским. «Михайлов, как и Курциус, мыслил историю науки по диалектической триаде: первоединство – разъединение – воссоединение. Современная историческая поэтика виделась ему как стадия завершающая, имеющая наступить после “грехопадения”, отмеченного дисциплинарной дифференциацией» [Жеребин, 2011, с. 295].

Веселовский, по мнению А.И. Жеребина, был не столько позитивистом, сколько современником Владимира Соловьёва, и свою поэтику он создавал «по аналогии с философско-религиозной поэтикой мироздания. У Веселовского эта аналогия только намечена, например, в работе 1890 года “Определение поэзии”, где литература Европы от античности до конца XIX века сравнивается с развивающимся организмом. В работах Михайлова связь с русской философией Серебряного века выступает отчетливее, являясь основой той обновленной исторической поэтики, которую он стремился создать» [там же, с. 295–296].

Фундаментом концепции Михайлова была рожденная русской философией идея всеединства, отмечает А.И. Жеребин, приводя в подтверждение своей мысли слова Михайлова о художественном сознании, которое «не разворачивается в культурном времени, оставляя позади себя прошлые, пройденные свои этапы, но хранит в себе все эти стадии своего былого развития и устроено вертикально – стоит поперек горизонтали времени» [Михайлов, 2000, с. 378].

Ситуация движения творческого сознания к культурному прошлому была осмыслена русским символизмом в начале XX в. А. Белый называл это александризмом, который ощущался как кризис, как гнет мертвой традиции. Путь освобождения как соединения прошлого и настоящего культуры в пространстве творческой памяти был тогда же указан Вяч.И. Ивановым в «Переписке из двух углов». Авангардистской идее спасительного варварства, обновления культуры с чистого листа как безрелигиозному заблуждению Иванов противопоставил синтез античности и христианства, снимающий противоречие между связанностью традицией и свободой творчества. «Творческая свобода означает для него не автономию обособленного сознания, но автономную причастность традиции; чем свободнее личность творца, тем глубже проникается она токами мировой культуры, обретая способность творить эту культуру заново как образ своего личного самосознания, укорененного в архетипических глубинах сознания коллективного, мифологического» [Жеребин, 2011, с. 298–299].

Вяч. И. Иванов, слова которого о том, что «память – начало динамическое, инициативное» [цит. по: Жеребин, 2011, с. 299], Курциус дважды цитирует на страницах своего труда⁴ «подсказал Курциусу ключевую идею – идею инициативной памяти как средства реинтеграции европейской словесности на основе религиозного гуманизма. Именно такую задачу ставил себе Курциус, писавший свою книгу на фоне Второй мировой войны» [Жеребин, 2011, с. 300].

Михайлов, обращаясь к Курциусу для обоснования идеи исторической поэтики, возвращает эту мысль в пространство русской метафизики всеединства, как бы переводит ее обратно: Курциус «выступает как иностранный посредник, помогающий русскому ученому заново осмыслить и функционализировать применительно к литературоведческой науке русскую же философию культуры Серебряного века» [там же, с. 301]. Именно книгу Курциуса, напоминает А.И. Жеребин, призывал перевести и издать в первую очередь в серии «Теория словесности и историческая поэтика» Михайлов.

Курциус, считал Михайлов, ближе всех из западных ученых подошел к исторической поэтике. Одной из базовых идей немецкого ученого было представление о невозможности адекватного изучения истории литературы без истории науки о ней. «Совре-

⁴ См.: [Курциус, 2020, с. 552, 554].

менное “литературоведение”, – писал Курциус, – пренебрегает тем основанием, на котором единственно и возможно возвести крепкое сооружение: историей литературной терминологии» [Курциус, 2020, с. 251]. В отечественном литературоведении, замечает И.Л. Попова [Попова, 2021, с. 277], эту идею озвучил Михайлов, задумав осуществить проект, посвященный «ключевым словам» науки о литературе.

Историческая семантика терминов постоянно присутствует в поле зрения Курциуса: о каждой литературной эпохе он стремится говорить языком ее теории, соотнося при этом терминологические ряды различных поэтик. Метод Курциуса «отличается как от предшествовавшего позитивистского литературоведения, полагавшего, что материал скажет все за себя сам, достаточно его собрать и хронологически упорядочить, так и от теоретического мейнстрима второй половины XX в., предпочитавшего жесткую концептуальную конструкцию, изложенную специально созданным языком и проиллюстрированную ограниченным числом репрезентативных примеров. Курциус, в отличие от тех и от других, достигает баланса концепции и факта, теории и материала, и этот баланс – результат не интуиции, а точного расчета» [Попова, 2021, с. 295]. С исторической поэтикой разработанную Курциусом науку о европейской литературе сближает (а от дискретных диахронических исследований второй половины XX в. отличает) «установка на исследование научно рассчитанного целого» [там же, с. 280].

Именно у Веселовского, замечает С.Ю. Хурумов [Хурумов, 2018], Михайлов позаимствовал понятие «готового слова», обозначившего собой «морально-риторический» период в истории литературы. Исследование «исторической поэтики» Веселовского стало для Михайлова «продолжением изучений западной филологической науки, продолжением вектора “Ауэрбах / Курциус”. Задача мыслить историю литературы как целое объединяла труды Веселовского и немецких ученых в понимании Михайлова» [там же, с. 152].

Перспектива риторики, понятой в широком смысле как «способ бытия слова, позволяющий слову стать универсальной формой, в которую облекается многообразное знание о мире и человеке», является серьезным основанием, считает А.Е. Махов [Махов, 2018, с. 128], чтобы сопоставить историко-литературные концепции Курциуса и Михайлова, тем более что Михайлов сам считает возможным соотнести «морально-риторическую систему» Курциуса с собственной концепцией развития языкового сознания как один из его этапов.

Однако воззрение на европейскую литературу из одной перспективы у двух ученых различное. Курциус отрицает всякую стадийность и стилевые эпохи. Согласно его концепции, всеприсутствие и универсальность топосов обуславливают внутреннюю однородность европейской словесности в ее единстве и континуальности.

По Михайлову, литературная реальность представляет собой не сплошную текучесть, но череду «переломов». Это пять этапов: 1) дориторического слова, 2) «морально-риторической системы», 3) этапа рубежа XVIII–XIX вв., суммирующего достижения риторического и дориторического слова, 4) этапа антириторического и, наконец, 5) этапа «литературного слова», пользующегося опытом традиции во всей полноте.

Обращение Михайлова к антириторическому слову реализма «потребовало дополнить понятийную пару “поэзия – знание” (которую мы находим и у Курциуса) еще одним элементом: *жизнь* (реальность, действительность). Этот элемент Курциусом совершенно пренебрегается: на протяжении книги он неоднократно иронизирует по поводу попыток усмотреть свидетельства реальности в поэтических высказываниях, которые на самом деле, по его мнению, являются чисто литературными топосами» [Махов, 2018, с. 136].

У Михайлова же в определенный период «жизнь» превращает пару «поэзия – знание» в триаду «поэзия – знание – жизнь», где автор переподчиняет слово своему видению жизни. «Если в риторическую эпоху знание было слито с “готовым” риторическим словом и также было, по сути, “готовым”, то в эпоху реализма знание – уже не готовое, “научное”, но непредсказуемое, жизненное; такое знание подчиняет себе слово» [там же, с. 137].

Михайлов, считает А.Е. Махов, в известном смысле синтезирует отрицающий значение реальности в литературном процессе подход Курциуса и «миметический» подход Ауэрбаха, поставившего во главу угла «отображение действительности». «Курциус и Ауэрбах, разделявшие методологию “микроскопического” стилистического анализа, в общей картине литературного процесса оказались антагонистами; гибкая стадийная модель, выдвинувшая в центр рассмотрения сам момент этого перехода, преодолела этот антагонизм» [там же].

Вторая пара понятий – *слово* и *образ*, указывает А.Е. Махов, не стала предметом эксплицитной рефлексии Курциуса и Михайлова, однако можно заметить, что «слово у Курциуса первенствует, но в спокойном и свободном сосуществовании с образным на-

чалом и в некой параллели (очень скупо намеченной) с изобразительным искусством, наука о котором даже снабжает филологию своим методом» [Махов, 2018, с. 139], в то время как у Михайлова отношения слова и образа напряжены и оказываются разными в разные эпохи: в морально-риторическую доминирует слово, «образ не самоценен, но служит субституту вещи, на которую указывает как своего рода знак-индекс... Явленная в образе (в том числе и в эмблематической *pictura*) вещь подлинный смысл получает лишь в толкующем ее слове» [там же, с. 140]. В антириторическую эпоху, по Михайлову, и в эту диадку вторгается понятие *жизнь*: «Слово перестает быть самоцелью, занимая теперь подчиненное положение – оно умалется, даже уничтожается в реальности образа, жертвуя собой жизни... Но и образ теперь – уже не замкнут в риторической “фигуре”, но непосредственно представляет саму жизнь. Образ теперь слит с жизнью; слово – лишь инструмент, создающий “образ жизненной полноты”» [там же, с. 141].

Сами курциусовские топосы превращаются у Михайлова «в элементы *содержания*, динамичного и даже психологизированного» [там же]. Так, обращаясь к описанным Курциусом топосам «мир как книга» и «мир как театр», Михайлов трактует их как процессы: книга не равна миру, но указывает на него; она, как и мир, может заключать в себе тайну; мир – театр (топос, особенно важный для барокко) интерпретирован с точки зрения барочного человека как «актера» этого театра.

Взгляды Курциуса и Михайлова, подводит итог А.Е. Махов, имеющие общий фундамент риторики, по существу, весьма различны, но не антагонистичны: картина стабильности и континуальности Курциуса дополняется эволюционной концепцией Михайлова, а «понимание литературы как замкнутой в себе системы, транслирующей свои топосы от эпохи к эпохе без особых помех со стороны реальности, дополняется драматическим видением вторжения “жизни” в литературу – таким вторжением, которое все в этой литературе меняет» [там же, с. 143].

Историческая поэтика в «расширении»

Систематическое обращение к исторической поэтике после вынужденного длительного перерыва возобновляется в 1970-е годы, отразившись как в выходе двух фундаментальных коллективных монографий, подготовленных учеными ИМЛИ, – «Историче-

ская поэтика. Итоги и перспективы изучения» (1986) и «Историческая поэтика. Литературные эпохи и типы художественного сознания» (1994), так и в ряде отдельных исследований Д.С. Лихачёва [Лихачёв, 1973; Лихачёв, 1997], С.С. Аверинцева [Аверинцев, 1977], Е.М. Мелетинского [Мелетинский, 1986; Мелетинский, 1990], М.Л. Гаспарова [Гаспаров, 1984; Гаспаров, 1986; Гаспаров, 1989; Гаспаров, 1999], А.В. Михайлова [Михайлов, 1989], однако происходит оно уже на новых основаниях, лишь отчасти восходящих к незавершенному труду Веселовского.

Отечественная историческая поэтика во второй половине XX в. (в силу объективных особенностей советского литературоведения – имплицитно), как и европейская теория литературы в целом, отмечает И.Л. Попова [Попова, 2015], развивалась в проблемном поле, обозначенном полемикой Э.Р. Курциуса как автора исследования «Европейская литература и латинское Средневековье» (1948) и Э. Ауэрбаха, автора «Мимесиса» (1959). Имя Курциуса ассоциируется, прежде всего, с понятием топоса как ключевого термина в описании сохранения и передачи традиции в едином пространстве европейской культуры, причем представил топологию как доминирующий метод книги Курциуса как раз Ауэрбах в своей статье «Филология мировой литературы» (1952).

Исследование Курциуса – первая попытка рассмотреть европейскую литературу как непрерывную культурную традицию двадцати шести веков, в основе которой – латинский язык и латинское образование. «При очевидной разнице поколений и национальных научных школ есть одно общее, что сближает Веселовского с Курциусом больше, чем, например, Курциуса с его эпигонами, а именно – исследование *морфологии континуума*» [Попова, 2021, с. 277].

На сходные черты в методологии Курциуса и Веселовского указывает А.Е. Махов [Махов, 2010]. Так, и Курциус, и Веселовский ищут постоянные или повторяющиеся элементы, обеспечивающие непрерывность традиции, оба отделяют эту традицию от личного творчества и, наконец, «оба своими построениями конституируют такое исследовательское поле, которое в своей целостности упраздняет национальные и географические границы» [там же, с. 185]. И Веселовский, и Курциус для конституирования сверхцелостности нуждаются в «элементах, позволяющих устанавливать связи между удаленными во времени и пространстве явлениями» [там же, с. 186]. У Веселовского это – «формулы» (иногда он называет их «общими местами»), у Курциуса – «топосы» (иногда именуемые формулами).

Метод Курциуса историчен, как и метод Веселовского, однако эта историчность в особом смысле: оба исследователя «описывают не линейную историю “от и до”, историю, где можно двигаться только вперед, но очерчивают историческое пространство, которое доступно во все концы, в котором возможно движение в любом направлении. Создавая это объемное историческое пространство, оба, по сути, разрушают оппозицию истории и типологии» [Махов, 2010, с. 200–201].

Книга Курциуса – своего рода итог развития идей историзма и европеизма (подразумевающего неразрывную связь античности и западной культуры) в филологии, – идей, кризис которых достиг наивысшей точки после Второй мировой войны. Ответом на вызов послевоенной действительности стала идея «филологии мировой литературы» Э. Ауэрбаха, которая «в значительной степени осталась теоретической декларацией, преуспевшей больше в расшатывании позиций европеизма, чем в практическом осуществлении своей позитивной программы» [Попова, 2015, с. 102]. Тем не менее исследование Курциуса успешно пережило кризис европеизма и европейского исторического сознания: он описывал культуру, история которой в целом завершилась.

В настоящее время получило распространение мнение, что книга Курциуса повлияла на формирование в отечественной науке концепции трех сменяющих друг друга эпох в европейской литературной истории. Оспаривая данное утверждение, И.Л. Попова указывает, что «эта идея носилась в воздухе с конца 1920-х гг. (т.е. еще до книги Курциуса) и оформлялась постепенно, как в Европе, так и в России (в том числе усилиями Курциуса)» [Попова, 2021, с. 275].

Идея стадийности разрабатывалась, в частности, и в «Мимесисе» Ауэрбаха и тоже в пределах исторических горизонтов европейской традиции; выход за ее пределы он совершит позже – в работе «Филология мировой литературы» (1952), ставшей манифестом науки будущего, «конструкция которой покоится на реалиях настоящего и провидении нарастающих тенденций» [там же, с. 112]. Отмечая сближение некогда далеких культурных традиций, Ауэрбах подчеркивает, что изучение литературы больше не может обходиться без изучения ее религиозных, философских, политических и экономических предпосылок, а также констатирует уход в прошлое универсальных исследований и все большую дифференциацию отдельных областей знания.

В контексте исторической поэтики в «Мимесисе» наиболее существенно то, отмечает И.Л. Попова, что ученый, рассматривая

историю европейских литератур сквозь призму учения о стилях, выделяет две «революции»: одну – конца XVI – XVII в. (впервые акцентирована именно Ауэрбахом), направленную против классического учения о трех стилях, и вторую, окончательно порвавшую с этим учением и датируемую началом XIX в., – идея, учтенная в отечественных работах по исторической поэтике в 1980–1990-е годы.

В середине 1980-х было выдвинуто два проекта исторической поэтики. С.С. Аверинцев, выбрав в качестве исходного понятие «жанр», а также понятий «автор» и «литература», предложил проект исторической поэтики как истории основных категорий, изменявшихся на протяжении трех эпох литературного развития: периода дорефлективного традиционализма (продолжавшегося до V–IV вв. до н.э.), рефлективного традиционализма (до середины XVIII в.) и дальнейшего периода разрушения традиционной системы жанров [Аверинцев, 1986].

Другая модель принадлежит М.Л. Гаспарову, который определил поэтику как «грамматику языка культуры», а историческую поэтику уподобил «исторической грамматике» литературы [Гаспаров, 1986]. Для понимания языка культур прошлого, писал он, «необходимо предварительное овладение культурным кодом данной эпохи, а он осваивается обыкновенно стихийно, через простое накопление опыта чтения подобных текстов. Задача исторической поэтики в том и состоит, чтобы это стихийное освоение сделать сознательным, формализовать, как давно формализовано и этим ускорено освоение чужих естественных языков» [там же, с. 191–192]. Чтобы осуществить цель Веселовского – «сделать все многообразие мировой словесности обозримым, как таблица Менделеева» [там же, с. 195], Гаспаров предложил исследовать мировую литературу по уровням – от простого к сложному, что применительно к поэзии, например, означало: уровень звуков, уровень слов, уровень образов и мотивов. Модель Гаспарова, не получившая в отличие от концепции Аверинцева теоретического развития, продолжила ту линию рецепции идей Веселовского, указывает И.Л. Попова [Попова, 2015], которая была разработана в 1920-е годы в рамках формальной школы на пересечении сравнительного метода Веселовского, а также метода сравнительно-исторической грамматики и морфологии формалистов.

Историческую поэтику, писал в 1990 г. В.Е. Хализев, «важно осознать не в качестве “единоспасающей” методологии ...а как одну из литературоведческих дисциплин, призвание которой – не в самоутверждении за счет иных областей знания, не в “подключе-

нии” к себе других сфер наук о литературе, а мирное, конструктивное, творческое сосуществование и взаимодействие с ними» [Хализов, 1990, с. 5]. Не разделяя точку зрения А.В. Михайлова, согласно которому историческая поэтика «стягивает к себе, как к центру, существенное содержание науки о литературе» [Михайлов, 1989, с. 20], В.Е. Хализев полагал, что данная научная дисциплина утверждается «главным образом в качестве особого рода истории литературы, расчлененной и систематизированной на основе понятий исторической поэтики. Эта научная дисциплина занимает свое место как бы рядом (и, вероятно, на равных) с традиционной, привычной для нас историей литературы, неспециализированной, по преимуществу хронологически-описательной» [там же, с. 6].

К исследованиям в русле отдельных проблем исторической поэтики ученый относил работы А.И. Белецкого об эволюции персонажа, сюжета, литературного портрета, пейзажа, словесного изображения вещи, воссоздания речи действующих лиц («В мастерской художника слова», 1989); работы М.М. Бахтина о хронотопе, а также изучение исторических судеб гротеска в книге Бахтина о Рабле. Как литературоведческая дисциплина, имеющая своим предметом единство всемирного литературного процесса, историческая поэтика призвана, по мнению В.Е. Хализева, дополнять интерпретацию единичных литературных фактов [там же, с. 9].

Первым в России изложением исторической поэтики в качестве учебного курса стала «Историческая поэтика» С.Н. Бройтмана (2001; переиздание – 2004). Как замечают А.И. Жеребин и Н.С. Павлова, Бройтман «заново осмыслил не только основополагающие работы Веселовского, но и всю последующую историю созданной им научной дисциплины» [Жеребин, Павлова, 2007, с. 490].

Историческая поэтика, по Бройтману, – «научная дисциплина, изучающая генезис и развитие эстетического объекта и его архитектоники – как они проявляются в эволюции содержательных художественных форм» [Бройтман, 2008, с. 86–87]. Ее предмет в отличие от теоретической поэтики, занимающейся системой литературоведческих категорий в синхроническом аспекте, – художественная литература и ее категориальный аппарат в их диахронии (происхождении и развитии). Поэтому историческая поэтика находится с теоретической поэтикой в отношениях дополнительности.

Бройтман отслеживает движение идей и художественных форм на протяжении трех периодов – от архаического синкретизма через «неавтономную причастность человека Богу и миру» к причастности автономной и сознательной. Синкретизм он изучает на разных уров-

нях – в субъектной структуре памятников, отмеченной неразличимостью автора и героя (особенно отчетливо в лирике); в архаической образности с ее кумулятивной связью элементов образного ряда и семантическим тождеством слова и вещи; в организации мифологического сюжета, в котором сочетаются элементы кумуляции и цикличности; в зачатках системы родов и жанров, не знающей разделения на высокое и низкое, сакральное и эстетическое.

Второй период эволюции художественного сознания (названный С.С. Аверинцевым эпохой рефлексивного традиционализма) Бройтман именует «эйдетической поэтикой», где эйдос объединяет в себе идею и образ, «лично-творческое и парадигматически каноническое» [Бройтман, 2001, с. 149]. «Введение этого термина позволяет высветить новые смыслы в явлениях риторической поэтики (готовый герой, готовое чужое слово и репертуар смыслов, нормативная каноничность всей системы изобразительных средств) и придать большую гибкость категориальному аппарату, выработанному наукой для ее описания. Идеологическим содержанием этой эпохи выступает индивидуалистическое самодовольство личности в рамках заданной картины мироздания» [Жеребин, Павлова, 2007, с. 491].

Третью эпоху Бройтман связывает с «поэтикой художественной модальности», означающей «диалогическую соотнесенность и взаимоосвещение разнотональных образных языков, который способны породить бесконечное разнообразие форм и смыслов» [там же, с. 492]. Ученый вводит понятие «субъектного неосинкретизма», подразумевая под ним неразграниченность в произведении разных точек зрения, выражающуюся в переходах от «я» к «мы» или к третьему лицу, которые кажутся немотивированными (формально высказывание принадлежит одному говорящему). В неосинкретизме, основанном на принципе «автономной причастности», индивидуальное сознание, по Бройтману, «преодолевают свою замкнутость и обновляется через вступление в тотальную связность мирового целого» [там же].

Таким образом, историческая поэтика превращается у Бройтмана в философско-историческую: в основе его концепции – «глубоко укорененная в религиозной и философской традиции идея циклического хода историко-литературного процесса, предполагающая неполное тождество начала и конца – первоначальной дорефлексивной неразделенности Бога и мира, индивидуального и коллективного сознания (в традиции немецкого идеализма – “Зо-

лотой век”) и их окончательной сознательной нераздельности (“мир в Боге”)) [Жеребин, Павлова, 2007, с. 491–492].

Идею «исторической нарратологии» как нарратологии, обогащенной опытом исторической поэтики романа, разработанной Бахтиным, развивает В.И. Тюпа [Тюпа, 2021].

Современная нарратология, отмечает исследователь, – это сфера общегуманитарного познания, которая носит междисциплинарный характер, включая в себя тексты не только вербальные, но и произведения других видов, так или иначе ретранслирующие событийный человеческий опыт. При этом литературоведческая нарратология остается концептуальной базой подобного рода исследований в силу сложности и многообразия нарратологических структур художественного письма. Проблематика и аналитический инструментарий исторической поэтики позволит нарратологии обрести диахроническое измерение. Первый шаг в направлении перехода от теоретической нарратологии к исторической, по мнению исследователя, – работа «Происхождение наррации» (1945) О.М. Фрейденберг.

С.Г. Бочаров как-то заметил, что идея исторической поэтики «оказалась на наших отечественных путях самым естественным и плодотворным выходом из краха нормативно-школьной марксистско-советской теории литературы; и в то время как в западной теории последних десятилетий сменяли друг друга одна методологическая революция за другой, наше новое теоретическое знание выращивалось изнутри исторических учений, при этом история античной и западных европейских литератур оказалась более активным полем такого выращивания, чем история русской литературы» [Бочаров, 2000, с. 11–12].

О возможности создания такого исследования, которое, подобно книге Курциуса, освещало бы одновременно «историю литературы и образования, литературы и церкви, литературы и права – но не в качестве отдельных, извлеченных из общего контекста исторических проблем, а в континууме русской традиции, древней и новой», которое проанализировало бы, «что такое русская литература и русская классика, как складываются и как соотносятся друг с другом ее древний и новый каноны, какие константы лежат в ее основе ...каковы исторические механизмы сохранения и передачи традиции», размышляет И.Л. Попова [Попова, 2015, с. 153].

Ключевыми понятиями нового, разработанного Курциусом подхода становятся «литература», «канон» и «классика», а исходным пунктом в исследовании непрерывности западной культурной

традиции – латынь как язык церкви, права, литературы и образования. Курциус первым поставил вопрос о традиции европейского образования при изучении литературы, которая покоится на многовековой традиции образования и сама принадлежит образованию. История европейской классики, по Курциусу, это преимущественно история канона – сначала средневекового, затем нового, «модерного». Методология Курциуса, учитывающая динамику поэтических систем и взаимодействие их элементов на протяжении длительных исторических периодов, «в своей основе стала общепринятой, как в европейском литературоведении, так и в русской теории» [Попова, 2021, с. 278].

Обращаясь к проблеме построения исторической поэтики новой русской литературы, исследовательница замечает, что в отсутствии научно «рассчитанного» континуума русской традиции, имеет место общий поворот последних десятилетий к диахронии. Одна из первых концепций «диахронической поэтики» была предложена И.П. Смирновым [Смирнов, 1977]; ее основой стала предложенная в связи с исследованием литературы барокко мысль Д.С. Лихачёва (отталкивавшегося от Курциуса с его идеей динамического соседства классики и противоположного ей «маньеризма») о чередовании стилей – «первичных», характеризующихся сближением с действительностью, и «вторичных», с повышенной долей условности, усложнением и формализацией⁵. «Продлив выстроенную Лихачёвым цепочку стилевых пар до начала XX века, Смирнов описал “реализм – символизм” и “постсимволизм – авангард” как пары чередующихся первичных и вторичных стилей, или – в его оригинальной терминологии – первоначальных и инверсионных систем. При этом каждая из систем в паре, в свою очередь, была представлена как дуальная динамическая система: в символизме – декадентство и собственно символизм как “контрапозитивные системы”, в постсимволизме – акмеизм и футуризм как “конверсионные системы”. Очевидно, что диахроническая поэтика представляла собой проект, имплицитно противопоставленный исторической поэтике, как новая концептуальность старому позитивизму» [Попова, 2015, с. 159].

Продуктивные идеи по поводу построения исторической поэтики «своей» литературы высказал в уже упоминавшейся статье 1986 г. М.Л. Гаспаров, по мнению которого исследователь должен рассматривать поэтическую систему своей культуры по отноше-

⁵ См.: [Лихачёв, 1973, с. 155–202].

нию к поэтическим системам других культур, а также осмыслить, как носитель языка ощущает проблему границы между «новой» и «древней» литературой, т.е. культурой, воспринимаемой непосредственно, и культурой, воспринимаемой только с помощью науки.

Задаваясь вопросами, как происходит становление новой русской литературы в системе европейских литератур и соотносится ли оно с исторически более ранним становлением новых литератур внутри самой западной традиции; как новая русская словесность согласуется с западной идеей литературы, сложившейся в XIX в., И.Л. Попова отмечает, что слово «литература» в привычном сегодня значении как совокупность всех словесных произведений вплоть до начала XIX в. осознавалось и кодифицировалось словарями как иностранное и было усвоено русским языком лишь в XIX в. А поскольку в генетическом аспекте литература неразрывно связана с языком, ключевым моментом в вопросе о новой русской литературе является вопрос языковой кодификации.

«Кодификация национального языка в России конца XVIII века происходила под знаком языка словесного творчества, в большей степени преследуя цели культурной и цивилизационной идентичности, нежели государственно-правовой, социальной и / или политической инженерии... Этот лингвистический казус, совпавший с периодом формирования социальных институтов, предопределил особое положение литературы в России и российском социуме, названное двести лет спустя “литературоцентричностью”» [Попова, 2015, с. 172].

Новая русская литература формировалась по европейскому образцу; процесс ее формирования завершился в первой трети XIX в. созданием русской классики. Из литературы догоняющего развития русская словесность превратилась в литературу влияния, способную оказывать воздействие на мировую литературную моду и норму. Однако, подчеркивает исследовательница, не стоит забывать, что «при схожести механизмов создания новых литератур классика для культурного и исторического самосознания Западной Европы и России имела принципиально разный смысл. Для новых европейских литератур “классика” была универсальным связующим понятием между древним и новым, свидетельством непрерывности традиции, обеспеченной латинским образованием; для русской литературы создание классики, усвоение через посредство французского языка слов “классический писатель” и “классик” было частью продуктивной рецепции западной традиции и, как

следствие, обостренного переживания необратимого разрыва с собственной древностью» [Попова, 2015, с. 183].

Этот разрыв не означал, разумеется, забвения. Усилия по собиранию общей литературной истории предпринимались с последней трети XVIII в.: «Опыт исторического словаря о российских писателях» (1772) Н.И. Новикова и др. Однако собрание не могло привести к созданию классики. Из русских писателей прошлого только М.В. Ломоносов, как считал Н.М. Карамзин («Пантеон российских авторов», 1801–1802), мог быть назван «истинно классическим» писателем, поскольку – в духе западной традиции, восходящей к Квинтилиану, – стал преобразователем языка, образцовым творцом од и преуспел в красноречии. «Если XVIII век остается классикой только для своего языка, то, начиная с Пушкина, русские писатели становятся классиками и для других языков, т.е. универсальными классиками. Не в том смысле, в каком единственным универсальным классиком двухтысячелетней западной традиции был Вергилий, но в том смысле, в каком универсальным классиком может быть признан, например, Гёте, т.е. писатель, сочинения которого являются вехой в своей национальной литературе и имеют столь же значимый смысл для других литератур» [там же, с. 186].

Иное решение проблемы построения исторической поэтики русской литературы представлено в работах В.Н. Захарова [Захаров, 2012] и И.А. Есаулова [Есаулов, 2004; Есаулов, 2012], которые разрабатывают принципы этнопоэтики как нового подхода к изучению христианской традиции в отечественной литературе, развивая «сущностное христианское содержание и значение трудов Веселовского» [Захаров, 2018, с. 8]⁶.

Интересный и неожиданный ракурс рассмотрения исторической поэтики предлагает А.И. Жеребин [Жеребин, 2012], сопоставляя ее с современной концепцией большого модернизма, получившей распространение в Германии.

И в России, и в Германии «на повестке дня историческая конкретизация теории и теоретическая концептуализация истории» [там же, с. 25]. В России это выражается в возрождении интереса к исторической поэтике, в Германии реализуется в исследованиях, посвященных проблеме модернизма (*Modernisierung*), трактуемого как «макроэпоха», охватывающая период со второй половины XVIII столетия по настоящее время, в отличие от отече-

⁶ См. также: [Есаулов, 1999].

ственного литературоведения, связывающего с модернизмом эпоху с конца XIX в. (в Германии до 1990-х годов такое понимание модернизма также господствовало, но в дальнейшем отошло на второй план).

Концепцию большого модернизма, предложенную немецкими исследователями, «допустимо интерпретировать как шаг немецкой науки навстречу русской исторической поэтике, ибо большой модернизм – это не литературное направление и даже не группа литературных направлений, впервые заявивших о себе на рубеже веков, а, говоря “по-русски”, – парадигма художественного сознания. Вся немецкая аргументация в точности соответствует той, которая была развернута в России, прежде всего в работах С.С. Аверинцева и А.В. Михайлова, описавших рубеж XVIII–XIX вв. как период “культурного переворота”, “категориального перелома”, драматической встречи двух типов художественного сознания, традиционалистского и индивидуально-творческого» [там же, с. 26]. То, что в Германии именуют модернизмом, в России называют «индивидуально-творческим художественным сознанием» [Категории поэтики в смене литературных эпох, 1994, с. 32–38] или, по предложению С.Н. Бройтмана, «поэтикой художественной модальности» [Бройтман, 2001, с. 253–384].

Бройтман, подчеркивает А.И. Жеребин, развивает романтическую теорию трансцендентальной поэзии, созданную в самом начале XIX в. Ф. Шлегелем с опорой на «Критику чистого разума» И. Канта. По Ф. Шлегелю, «трансцендентальная поэзия “показывает продуцирующее начало вместе с продуктом” и потому является поэзией и одновременно “поэзией поэзии”, т.е. событие рассказывания становится не менее важным, чем рассказываемые события, творение включает авторепрезентацию субъекта творчества» [Жеребин, 2012, с. 27]. Это общая со времен романтизма черта модернистской литературы, где «тема произведения раскрывается, как правило, в единстве с метатемой творческого акта, и лишь по ходу развертывания метатемы вырисовывается картина мира, где каждая черта включена в перспективу автора / героя и постоянно напоминает об этой своей зависимости» [там же].

По Бройтману, «поэтика художественной модальности» зарождается в романтизме, когда приходит понимание, что смысл субъективен и не существует в отвлеченном от человека виде. Одновременно с этим меняется и понимание субъективного мира личности, который начинает пониматься не как результат воздействия мира внешнего, но как модальное и связанное диалогиче-

скими отношениями единство «Я» и всего другого. «Когда С.Н. Бройтман пишет, что в эпоху романтизма художественная реальность получает “модальный статус”, это означает, что она конструируется в поле отношения между сознанием и бытием, производится как текст, сотканный из перцепций и апперцепций автора / героя» [Жеребин, 2012, с. 28].

В подготовке немецкого модернизмоведения большую роль, по мнению А.И. Жеребина, сыграл Курциус. При этом подход Курциуса к эволюции художественных форм как отражению «смены эпох в развитии духовной жизни» «очень напоминает известную формулу А.Н. Веселовского, который видел задачу исторической поэтики в том, чтобы “проследить, каким образом новое содержание жизни, этот элемент свободы, приливающий с каждым новым поколением, проникает в старые образы, эти формы необходимости, в которые неизбежно отливалось всякое предыдущее развитие”» [там же].

Среди общих принципов, характерных как для исторической поэтики, так и для немецких исследований модерна, А.И. Жеребин называет:

«а) принцип стадильности, предполагающий выделение исторических типов художественного сознания или “парадигм художественности” с учетом “большого времени”, в котором протекает медленное формирование и развитие эстетического объекта и его форм;

б) принцип интердисциплинарности, т.е. включение литературы в историю культуры – не подмену литературоведения культурологией, а выбор такого угла зрения, при котором становится видно, что новые явления в литературе формируются в точках интерференции с явлениями других систем социальной коммуникации – философией, наукой, политикой и т.д.;

с) принцип транснациональности, означающий выход за рамки национальной литературы и филологии и последовательное применение сравнительно-исторического метода;

д) принцип диалектической триады, предполагающий сознательное отношение исследователя к факту включенности его собственной научной мысли в трехчленную парадигму модернистского мышления» [там же, с. 32].

Останавливаясь подробнее на последнем пункте, исследователь замечает, что в основе модернистского мышления лежит «идея исторического процесса, предполагающего неполное тождество бессознательной истины в начале и истины осознанной, обогащенной всем опытом индивидуалистической культуры в кон-

це... Между тем и другим, тезисом и синтезом – горький опыт инобытия культуры» [Жеребин, 2012].

Уже Ф. Шиллер разделял поэзию на наивную и сентиментальную в свете их грядущего синтеза. О циклическом развитии всемирно-исторического процесса писал Новалис: «Время до мира дает нам как бы рассеянные черты времени после мира. В мире грядущем все будет как в прежнем мире, и все-таки совсем иному. Мир грядущий – это разумный хаос, хаос, который проник себя насквозь» [цит. по: Жеребин, 2012, с. 33].

В (нео) синкретизме предсимволистской и символистской эпохи Веселовский, вероятно, нашел ключ к первобытному синкретизму, полагает А.И. Жеребин и задается вопросом: «Не конструируется ли здесь реальность архаического прошлого задним числом, не явилась ли теория первичного синкретизма проекцией позднеромантического и символистского синтеза искусств на седую древность?» [Жеребин, 2012, с. 33].

Метафизическую триаду исследователь усматривает и в книге «Европейская литература и латинское Средневековье» Э.Р. Курциуса, испытывавшего воздействие философской теории Арнольда Тойнби и идей Вяч. Иванова. А.И. Жеребин сближает позицию Курциуса и М.М. Бахтина, приводя слова русского мыслителя, сказанные по поводу Н.В. Гоголя и Ф. Рабле в контексте «большого времени»: «Выясняется, что всякий действительно существенный шаг вперед сопровождается возвратом к началу (“изначальность”), точнее, к обновлению начала. Идти вперед может только память, а не забвение. Память возвращается к началу и обновляет его» [цит. по: Жеребин, 2012, с. 33].

Наиболее отчетливо принцип триады эксплицирован, по мнению исследователя, в исторической поэтике С.Н. Бройтмана. «Неклассическая, т.е. модернистская поэтика художественной модальности, мыслится им как возвращение к синкретизму на личной основе, на основе преодоления автономии индивидуального сознания принципом его автономной причастности бытию целого» [Жеребин, 2012, с. 35].

Таким образом, «если, с одной стороны, большой модернизм, как понимают его немцы, – это одна из стадий, тематизированных и изучаемых русской исторической поэтикой, то, с другой – сама историческая поэтика есть наука эпохи модернизма. Реализуя модернистский тип сознания, она не только интерпретирует предшествующие стадии литературного развития с точки зрения современности, в свете модернистской триады мирового процесса,

но и самое себя мыслит как герменевтический синтез, в котором снимается противоречие тезиса – недифференцированной истории всеобщей литературы времен А.Н. Веселовского, и антитезиса – последовательной дифференциации истории и теории в литературоведении XX века» [Жеребин, 2012].

Следует заметить, что историческая поэтика на Западе практически не известна и только сейчас начинает входить в научный контекст. Такова, например, подготовленная при участии российских ученых ознакомительная коллективная монография «Русская школа исторической поэтики» (2013)⁷, вышедшая в Германии. Знакомиться с Веселовским и его исторической поэтикой начинает и англоязычный читатель, о чем свидетельствует вышедший в США сборник «Устойчивые формы. Исследования по исторической поэтике» (2015)⁸.

О Веселовском западные литературоведы узнавали, отмечает в своей рецензии на американское издание И.О. Шайтанов [Шайтанов, 2017], в основном в связи с трудами русских формалистов, В.Я. Проппа, М.М. Бахтина, Ю.М. Лотмана, которые переводились и были хорошо известны. Среди крупных ученых об основателе исторической поэтики знали американские компаративисты Гарри Левин и Рене Уэллек; идеи Веселовского и его последователей оказали большое воздействие на словацкого компаративиста Диониза Дюришина, автора широко известной, переведенной на многие языки «Теории сравнительного изучения литературы» (1975).

Задача, которую ставят перед собой составители сборника «Устойчивые формы...», состоит в том, чтобы определить, каково место исторической поэтики в современной гуманитарии, как она может участвовать «в диалоге с новыми метадискурсами о литературе и словесном искусстве» [цит. по: Шайтанов, 2017, с. 37]⁹. Проанализировав материалы сборника, содержащего помимо статей исследователей несколько переводов из Веселовского, Фрейденберг, Бахтина и Гаспарова, И.О. Шайтанов, отмечая позитивность самого факта обращения к наследию Веселовского, а также отдельные удаchi исследователей, приходит к выводу, что при общей верной установке «приблизиться к Веселовскому», понимание

⁷ Kemper D., Tjupa V., Taškeņov S. (Hg.) Die russische Schule der Historische Poetik. – Munchen : Wilhelm Fink Verlag, 2013. – 286 S.

⁸ Persistent forms: Explorations in historical poetics / Ed. by Klinger I., Maslov B. – N.Y. : Fordham univ. press, 2015. – 504 p.

⁹ Здесь и далее цитаты приводятся в переводе И.О. Шайтанова.

исторической поэтики не было приоритетным, что автор предисловия Эрик Хэйо «не ставил задачу, а констатировал реальность уже сделанного, когда сказал, что главное в этой книге – не понять самого Веселовского, а решить, что из него “могут извлечь современные ученые”» [Шайтанов, 2017, с. 44]. В диалоге с современными идеями голос Веселовского, заключает исследователь, «хотелось бы слышать более отчетливо» [там же]¹⁰.

Попытку переосмыслить термин «историческая поэтика», а также общее направление поисков А.Н. Веселовского в свете общей теории систем (далее ОТС) предпринимает Вера Зубарева (Филадельфия) [Зубарева, 2013]. Прочтение Веселовского в том русле, которое впоследствии будет описано основателем ОТС австрийским биологом Людвигом фон Берталанфи (1901–1972), по ее мнению, «открывает целую область неожиданных параллелей в подходе к сравнительному анализу» [там же, с. 48].

Научный поиск Веселовского был направлен на сопоставление «неизменных формул» в мифе, эпосе, поэзии древней и современной. Формулы Веселовского – «это, в сущности, прообразы изоморфизмов Берталанфи, задачей которого было показать, что системы (физические, биологические, социальные и т.д.) управляются аналогичными процессами» [там же, с. 49]. Веселовский занимался именно поиском изоморфизмов в различных системах, подчеркивает исследовательница, а не экстраполяциями, как, например, культурно-историческая школа, которая распространяла эволюционистские схемы на историю литературы и к которой ученого причисляют. Уподоблению различных областей Веселовский противопоставил сопоставление и поиск присущих им общих моделей развития. Ученый не выводил литературу и искусство из истории или быта, выступая за «самостоятельность искусства», что вовсе не означало его изолированности. «Призывая к изучению не только общественной мысли, но и всего того континуума, в котором рождались и развивались произведение и его автор, Весе-

¹⁰ Реферат статьи одного из участников сборника «Устойчивые формы...» – Бориса Маслова, инициатора, наряду с Ильей Клигером, изучения наследия Веселовского в США (оба – редакторы-составители сборника), – «Метапрагматика, Toposforschung, марксистская стилистика : три расширения исторической поэтики Веселовского» («Metapragmatics, Toposforschung, Marxist Stylistics: Three Extensions of Veselovsky's Historical Poetics»), посвященной взаимодействию идей Веселовского с современными литературными и общекультурными концепциями, см.: Социальные и гуманитарные науки. Сер. 7: Литературоведение : Реферативный журнал. – 2017. – № 2. – С. 36–45. (Автор – А.Е. Махов.)

ловский стремился воссоздать не просто историю появления какого-либо литературного течения, но и всю многообразную систему отношений – разноплановую, включающую в себя структуры и процессы, как аналогичные тем, что зарождались в смежных областях, так и отличные от них» [Зубарева, 2013, с. 50]. При этом важным для Веселовского был поиск того, что объединяет различные области, а не уподобляет их друг другу: общее становилось отправным моментом для установления различий: сравнительный метод ученого состоял не в отождествлении различных областей, а в сопоставлении происходящих в них процессов. Он разрабатывал методы сопоставительного анализа, позволяющего в процессе познания менее изученных систем применить аналогии с более изученными системами.

Веселовский, считает В. Зубарева, шел тем же путем, что и Бертоланфи, называвший свой метод «эмпирико-интуитивным». В отличие от господствовавшей в то время теории заимствований, основанной на причинно-следственных связях, русский ученый предпринял попытку выявить множество параметров, приведших к образованию аналогичных форм.

Согласно Бертоланфи, система – организм или организованная сущность, где целое больше суммы его частей. Как к системе подходил к литературе и Веселовский. Предвосхищая методологию ОТС, он стремился «представить литературные периоды как фазовое развитие, т.е. постепенное “движение во времени”, предрасполагающее, но не детерминирующее появление “малых” или “великих”. По Веселовскому, второстепенные с современной точки зрения явления литературы и искусства вырастают из самой системы, изнутри, “приготавливая” эпоху к появлению колоссов. Иными словами, он говорит о том, что система создает предрасположенность к появлению тех или иных учений, произведений и личностей и что изучение предрасположенности, т.е. всего обширного круга деталей и отношений между ними, даст более глубокое понимание того, что вырастет в результате» [там же, с. 58]. Именно признание предрасположенности к появлению или исчезновению литературных форм отличает теорию Веселовского от дарвинизма с его случайностями и закономерностями и сближает с ОТС.

В теории предрасположенностей «мера внешних воздействий на систему определяется мощностью ее потенциала: чем слабее потенциал системы, тем сильнее внешние влияния на нее. Это же понимание мы находим у Веселовского, анализирующего взаимодействие микро- и макрокосма, т.е. личности и окружения... При

этом Веселовский подчеркивает важность понимания взаимодействия внешнего и внутреннего для получения более полного представления об историческом развитии системы» [Зубарева, 2013, с. 74–75].

Исследовательница полемизирует с О.М. Фрейденберг, полагавшей, что Веселовского «интересует общая механика литературного процесса в целом, но не движущие силы этой механики» [Фрейденберг, 1997, с. 20], считая, что главным в работах ученого является обнаружение движущих причин, «но поиск причин идет изнутри системы, из ее предрасположенности... Связывая “внутреннее обогащение содержания” с прогрессом “общественной мысли в границах слова или устойчивой поэтической формулы”, Веселовский, по сути, показывает, что истоки исторического движения – в идеях, зарождающихся изнутри системы, а не путем простых заимствований» [Зубарева, 2013, с. 76–77].

Веселовский, подводит итог В. Зубарева, пошел гораздо дальше обозначенной им задачи генетического объяснения поэзии «как психологического акта, определенного известными формами творчества, последовательно накапливающимися и отлагающимися в течение истории» [Веселовский, 2006, с. 83], и его методология гораздо шире используемой ныне в сравнительном литературоведении: «речь в его работах идет о литературе как открытой, протяженной индетерминистской системе, развивающейся на основе своего собственного внутреннего потенциала, вступающей во взаимодействие с другими системами, но не детерминированной ими... Некоторые основные методологические положения Веселовского концептуально совпадают с новейшими разработками в ОТС» [Зубарева, 2013, с. 81].

* * *

Тридцать лет назад, размышляя о перспективах разработки исторической поэтики, В.Е. Хализев заметил, что «между сегодняшним состоянием исторической поэтики и созданием фундаментальных трудов по этой дисциплине – дистанция огромного размера» [Хализев, 1990, с. 7]. Несмотря на то что многое с тех пор было продумано и осмыслено – и в плане теоретического подхода к истории литературы, и в плане самоосознания исторической поэтики как научной дисциплины – справедливость мнения исследователя остается в силе.

Вместе с тем нельзя не согласиться с мнением В.Н. Захарова о принципиальной незавершимости исторической поэтики, о невозможности создать обобщающий труд, исчерпывающий явление. Так, «Поэтика древнерусской литературы» Д.С. Лихачева «не закрыла, а открыла изучение поэтики древнерусской словесности», как «Поэтика ранневизантийской литературы» С.С. Аверинцева способствовала развитию филологических исследований в области ранней христианской словесности и византийской литературы [Захаров, 2018, с. 11].

Список литературы

- Аверинцев С.С.* Историческая подвижность категории жанра : опыт периодизации // Историческая поэтика. Итоги и перспективы изучения. – Москва : Наука, 1986. – С. 104–116.
- Аверинцев С.С.* Поэтика ранневизантийской литературы. – Москва : Наука, 1977. – 320 с.
- Аверинцев С.С.* Риторика и истоки европейской литературной традиции. – Москва : Языки русской культуры, 1996. – 448 с.
- Афанасьев А.* Теория барокко А.В. Михайлова в его «науке о культуре». Запрет на «автоматические суждения»: фундаментальная филология в контексте модернистской парадигмы знания // Гефтер : журнал. – 2016. – 12.12. – URL: <http://gefeter.ru/archive/20386> (дата обращения: 01.10.2021).
- Бахтин М.М.* Собрание сочинений : в 6 т. – Москва : Русские словари : Языки славянских культур, 1996–2012.
- Бочаров С.Г.* А.В. Михайлов о языке филолога // Жизнь в науке: Александр Викторович Михайлов – исследователь литературы и культуры / отв. ред. Л.И. Сазонова. – Москва : ИМЛИ РАН, 2018. – С. 60–64.
- Бочаров С.Г.* Предисловие: Огненный меч на границах культур // Михайлов А.В. Обратный перевод. – Москва : Языки русской культуры, 2000. – С. 7–16.
- Брагинская Н.В.* О связи основных идей О.М. Фрейденберг // Вестник РГГУ. Серия История. Филология. Культурология. Востоковедение. – 2018. – № 3(36). – С. 71–97. – (Arbor Mundi. Международный журнал по теории и истории мировой культуры ; вып. 24).
- Бройтман С.Н.* Историческая поэтика. – Москва : РГГУ, 2001. – 420 с.
- Бройтман С.Н.* Историческая поэтика // Поэтика : Словарь актуальных терминов и понятий / под ред. Н.Д. Тамарченко. – Москва : Изд-во Кулагиной Intrada, 2008. – С. 86–87.

- Бройтман С.Н.* Наследие М.М. Бахтина и историческая поэтика // Диалог. Карнавал. Хронотоп. – 1998. – № 4. – С. 14–32.
- Веселовский А.Н.* В.А. Жуковский. Поэзия чувства и «сердечного воображения». – Москва ; Санкт-Петербург : Центр гуманитарных инициатив, 2016. – 512 с.
- Веселовский А.Н.* Избранное: Историческая поэтика / ред. В.М. Жирмунский. – Ленинград, 1940. – 649 с.
- Веселовский А.Н.* Избранное: историческая поэтика / вступ. ст., коммент., сост. И.О. Шайтанова. – Москва : РОССПЭН, 2006. – 608 с.
- Веселовский А.Н.* Избранное: На пути к исторической поэтике / вступ. ст., коммент., сост. И.О. Шайтанова. – Москва : Автокнига, 2010. – 688 с.
- Веселовский А.Н.* Историческая поэтика / сост. и комм. В.В. Мочаловой. – Москва : Высшая школа, 1989. – 406 с.
- Веселовский А.Н.* Мерлин и Соломон. – Москва : Эксмо-пресс ; Санкт-Петербург : Terra fantastica, 2001. – 864 с.
- Веселовский А.Н.* Собрание сочинений. – Санкт-Петербург ; Петроград ; Москва ; Ленинград, 1908–1938. – Т. 1, 2 (вып. 1), 3, 4 (вып. 1–2), 5, Т. 6, 8 (вып. 1–2), 16.
- Визгин В.П.* Александр Михайлов: опыт философской характеристики // Жизнь в науке: Александр Викторович Михайлов – исследователь литературы и культуры / отв. ред. Л.И. Сазонова. – Москва : ИМЛИ РАН, 2018. – С. 24–47.
- Гаспаров М.Л.* Историческая поэтика и сравнительное стиховедение (Проблема сравнительной метрики) // Историческая поэтика. Итоги и перспективы изучения. – Москва : Наука, 1986. – С. 188–209.
- Гаспаров М.Л.* Метр и смысл. Об одном механизме культурной памяти. – Москва : РГГУ, 1999. – 297 с.
- Гаспаров М.Л.* Очерк истории европейского стиха. – Москва : Наука, 1989. – 304 с.
- Гаспаров М.Л.* Очерк истории русского стиха: метрика, ритмика, рифма, строфика. – Москва : Наука, 1984. – 320 с.
- Гачев Г.Д.* Ускоренное развитие литературы на примере болгарской литературы первой половины XIX века. – Москва : Наука, 1964. – 312 с.
- Гугнин А.А.* «Магическое» литературоведение А.В. Михайлова и некоторые идеи В.И. Вернадского: попытка приближения к проблеме // Жизнь в науке : Александр Викторович Михайлов – исследователь литературы и культуры / отв. ред. Л.И. Сазонова. – Москва : ИМЛИ РАН, 2018. – С. 65–96.
- Данилина Г.И.* «Историчность» в работах М.М. Бахтина // Вестник Тюменск. гос. ун-та. – 2006. – № 4. – С. 69–89.
- Данилина Г.И.* «История как окружающее» : А.В. Михайлов и Г.Г. Шпет // Вестник РГГУ. Серия Литературоведение. Фольклористика. – 2007. – № 7. – С. 193–201.
- Данилина Г.И.* Как расслышать «мышление истории»? О понятии А.В. Михайлова «Обратный перевод» // Новый филологический вестник. – 2010. – № 1(12). – С. 6–15.
- Данилина Г.И.* Принцип историчности : концепция исторической поэтики А.В. Михайлова : автореф. дис. ... докт. филол. наук. – Москва, 2008. – 48 с.
- Данилина Г.И.* «Слово на развалинах истории» : проблемы историзма и ключевых слов в поздних работах А.В. Михайлова // Жизнь в науке : Александр Викторович

- Михайлов – исследователь литературы и культуры / отв. ред. Л.И. Сазонова. – Москва : ИМЛИ РАН, 2018. – С. 167–191.
- Дарвин М.Н.* Еще раз о «недостроенном здании» исторической поэтики А.Н. Веселовского. [Рец.] // Новый филологический вестник. – 2008. – № 1(6). – С. 243–246. – Рец. на кн.: Веселовский А.Н. Избранное : Историческая поэтика / сост. И.О. Шайтанов. – Москва : РОССПЭН, 2006. – 608 с.
- Есаулов И.А.* Гипотеза А.Н. Веселовского о соотношении христианское / языческое в русском национальном сознании и современная наука // Об исторической поэтике А.Н. Веселовского. – Самара : Изд-во Самар. гуманит. академии, 1999. – С. 39–45.
- Есаулов И.А.* Пасхальность русской литературы. – Москва : Круг, 2004. – 559 с.
- Есаулов И.А.* Русская классика : новое понимание. – Санкт-Петербург : Алетейя, 2012. – 448 с.
- Жеребин А.И.* Русская историческая поэтика и дискурс о модерне в филологической науке Германии (Несколько тезисов по сравнительной методологии) // Университетский журнал. – 2012. – № 2. – С. 25–36.
- Жеребин А.И.* Цитата Михайлова из Курциуса и ее обратный перевод // Вопросы литературы. – 2011. – № 4. – С. 290–301.
- Жеребин А., Павлова Н.* О Самсоне Бройтмане и его «Исторической поэтике» // Revue des études slaves. – Paris, 2007. – N 78 (4). – P. 489–493.
- Жирмунский В.М.* А.Н. Веселовский и сравнительное литературоведение // *Жирмунский В.М.* Сравнительное литературоведение. Восток и Запад. – Ленинград : Наука, Ленинградское отделение, 1979. – С. 84–136.
- Жирмунский В.М.* Проблема фольклора // *Жирмунский В.М.* Фольклор Запада и Востока. Сравнительно-исторические очерки / Б.С. Долгин, С.Ю. Неклюдов (ред.). – Москва : ОГИ, 2004. – С. 40–57.
- Захаров В.Н.* Проблемы исторической поэтики. Этнологические аспекты. – Москва : Индрик, 2012. – 264 с.
- Захаров В.Н.* Снова о перспективах изучения исторической поэтики // Проблемы исторической поэтики. – 2018. – Т. 16, № 1. – С. 7–16.
- Зенкин С.Н.* Сюжет и наррация: Нарратология Ольги Фрейденберг в историко-идейных координатах // Вестник РГГУ. Серия История. Филология. Культурология. Востоковедение. – 2017. – № 4(25). – С. 67–77. – (Arbor Mundi. Международный журнал по теории и истории мировой культуры ; вып. 23).
- Зубарева В.* Перечитывая А. Веселовского в XXI веке // Вопросы литературы. – М., 2013. – № 5. – С. 47–81.
- Иванова Е.В.* Биография ученого и судьба его наследия // Михайлов А.В. Статьи по теории литературы. – Москва : Дмитрий Сечин, 2018. – С. 5–18.
- Исрапова Ф.Х.* «Строительные леса» литературоведения (А.В. Михайлов о теории литературы и ее терминах как «особых словах») // Новый филологический вестник. – 2019. – № 1(48). – С. 16–27.
- Касаткина Т.А.* Александр Викторович Михайлов как теоретик культуры // Контекст-2013. Ежегодник теории и истории литературы. – Москва : ИМЛИ РАН, 2013. – С. 125–131.
- Категории поэтики в смене литературных эпох / *Аверинцев С.С., Андреев М.Л., Гаспаров М.Л., Гринцер П.А., Михайлов А.В.* // Историческая поэтика. Литературные эпохи и типы художественного сознания. – Москва : Наследие, 1994. – С. 3–38.

- Курциус Э.Р. Европейская литература и латинское Средневековье : в 2 т. / пер., комм. Д.С. Колчигина ; под ред. Ф.Б. Успенского. – Москва : Издательский Дом ЯСК, 2020.
- Лихачёв Д.С. Историческая поэтика русской литературы : смех как мировоззрение и другие работы. – Санкт-Петербург : Алетейя, 1997. – 508 с.
- Лихачёв Д.С. Развитие русской литературы X–XVII веков. Эпохи и стили. – Ленинград : Наука, 1973. – 254 с.
- Лотман Ю.М. Избранные статьи : в 3 т. – Таллинн : Александра, 1992.
- Манн Ю.В. Русская философская эстетика. – Москва : МАЛП, 1998. – 381 с.
- Махлин В.Л. Уроки обратного перевода (А.В. Михайлов и проблема русско-немецкого диалога) // Махлин В.Л. Второе сознание : подступы к гуманитарной эпистемологии. – Москва : Знак, 2009. – С. 472–502.
- Махов А.Е. А.В. Михайлов и Э.Р. Курциус : Два воззрения на литературный процесс из перспективы риторики // Жизнь в науке : Александр Викторович Михайлов – исследователь литературы и культуры / отв. ред. Л.И. Сазонова. – Москва : ИМЛИ РАН, 2018. – С. 127–144.
- Махов А.Е. Веселовский – Курциус. Историческая поэтика – историческая риторика // Вопросы литературы. – 2010. – № 3. – С. 182–202.
- Махов А.Е. Последний труд А.Н. Веселовского // Веселовский А.Н. В.А. Жуковский. Поэзия чувства и «сердечного воображения». – Москва ; Санкт-Петербург : Центр гуманитарных инициатив, 2016. – С. 5–12.
- Медведев П.Н. Формальный метод в литературоведении. – Москва : Лабиринт, 1993. – 207 с. – (Бахтин под маской ; вып. 2).
- Мелетинский Е.М. Введение в историческую поэтику эпоса и романа. – Москва : Наука : Главная редакция восточной литературы, 1986. – 320 с.
- Мелетинский Е.М. Историческая поэтика новеллы. – Москва : Наука, 1990. – 280 с.
- Михайлов А.В. Актуальные проблемы современной теории литературы // Контекст-1993. – Москва : Наука, 1996. – С. 4–19.
- Михайлов А.В. Диалектика литературной эпохи // Контекст-1982. – Москва : Наука, 1983. – С. 99–135.
- Михайлов А.В. Избранное. Историческая поэтика и герменевтика. – Санкт-Петербург : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2006. – 554 с.
- Михайлов А.В. Историческая поэтика в контексте западного литературоведения // Историческая поэтика. Итоги и перспективы изучения. – Москва : Наука, 1986. – С. 53–71.
- Михайлов А.В. Методы и стили литературы. – Москва : ИМЛИ РАН, 2008. – 176 с.
- Михайлов А.В. Несколько тезисов о теории литературы. Стенограмма доклада, сделанного 20 января 1993 г. на заседании Научного совета ОЛЯ РАН // Литературоведение как проблема. Труды Научного совета «Наука о человеке в контексте наук о культуре». Памяти Александра Викторовича Михайлова посвящается. – Москва, 2001. – С. 223–278.
- Михайлов А.В. Обратный перевод. Русская и западно-европейская культура: проблемы взаимосвязей / сост., подгот. текста и комм. Д.Р. Петрова и С.Ю. Хурумова. – Москва : Языки русской культуры, 2000. – 848 с.
- Михайлов А.В. О некоторых проблемах современной теории литературы // Известия АН. Серия литературы и языка. – Москва, 1994. – Т. 53, № 1. – С. 15–23.

- Михайлов А.В.* Проблемы исторической поэтики в истории немецкой культуры. – Москва : Наука, 1989. – 232 с.
- Михайлов А.В.* Языки культуры : Учебное пособие по культурологии. – Москва : Языки русской культуры, 1997. – 913 с.
- Морсон Г.С., Эмерсон К.* Михаил Бахтин. Создание прозаики <фрагмент> : пер. с англ. // Михаил Бахтин : Pro et contra. Творчество и наследие М.М. Бахтина в контексте мировой культуры. – Санкт-Петербург : Изд-во Русского Христианского гуманитарного института, 2002. – Т. 2. – С. 72–97.
- Надъярных М.Ф.* Проблема культурной динамики в методе А.В. Михайлова // Жизнь в науке : Александр Викторович Михайлов – исследователь литературы и культуры / отв. ред. Л.И. Сазонова. – Москва : ИМЛИ РАН, 2018. – С. 192–208.
- Олейников А.* Теория наррации О.М. Фрейденберг и современная нарратология: попытка сравнительного анализа. – URL: <http://kogni.narod.ru/freiden.htm> (дата обращения: 01.10.2021).
- Осовский О.Е.* «Из советских работ большую ценность имеет книга О. Фрейденберг» «Бахтинские маргиналии на страницах «Поэтики сюжета и жанра» // Бахтинский сборник / под ред. В.Л. Махлина. – Саранск, 2000. – Вып. 4. – С. 128–134.
- Осовский О.Е.* Роман в контексте исторической поэтики (от А.Н. Веселовского к М.М. Бахтину) // Бахтинский сборник. – Москва, 1991. – Вып. 2. – С. 312–343.
- Попова И.Л.* Историческая поэтика в теоретическом освещении. – Москва : ИМЛИ РАН, 2015. – 264 с.
- Попова И.Л.* Книга Э.Р. Курциуса «Европейская литература и латинское Средневековье» и ее значение для исторической поэтики // Клио в зазеркалье : исторический аргумент в гуманитарной и социальной теории : коллективная монография. – Москва : НЛЮ, 2021. – С. 275–309.
- Попова И.Л.* Проблема памяти и забвения : М.М. Бахтин о механизмах сохранения/стирания следов традиции в истории культуры // Studia Litterarum. – 2016. – Т. 1, № 1/2. – С. 73–90.
- Пропт В.Я.* Русская сказка. – Москва : Лабиринт, 2000. – 416 с.
- Пыпин А.Н.* История русской этнографии : в 4 т. – Санкт-Петербург : Тип. М.М. Стасюлевича, 1890–1892.
- Силантьев И.В.* Семантическая трактовка мотива в трудах А.Н. Веселовского и О.М. Фрейденберг // Вестник РГГУ. Серия История. Филология. Культурология. Востоковедение. – 2017. – № 4(25). – С. 61–66. – (Arbor Mundi. Международный журнал по теории и истории мировой культуры ; вып. 23).
- Смирнов И.П.* Художественный смысл и эволюция поэтических систем. – Москва : Наука, 1977. – 203 с.
- Тамарченко Н.Д.* Автор и герой в контексте спора о Богочеловечестве (М.М. Бахтин, Е.Н. Трубецкой и Вл. С. Соловьёв) // Дискурс. – 1998. – № 5/6. – С. 25–39.
- Тамарченко Н.Д.* М.М. Бахтин и А.Н. Веселовский (Методология исторической поэтики) // Диалог. Карнавал. Хронотоп. – 1998 а. – № 4(25). – С. 33–44.
- Тиханов Г.* Семантическая палеонтология в контексте истории советского литературоведения: 1930–1950-е гг. // Клио в зазеркалье: исторический аргумент в гуманитарной и социальной теории : коллективная монография. – Москва : НЛЮ, 2021. – С. 243–274.
- Топорков А.Л.* Теория мифа в русской филологической науке XIX века. – Москва : Индрик, 1997. – 456 с.

- Троицкий С.А.* Генетический метод О.М. Фрейденберг в исследовании культуры // Вестник РГГУ. Серия История. Филология. Культурология. Востоковедение. – 2017. – № 4 (25). – С. 39–60. – (Arbor Mundi. Международный журнал по теории и истории мировой культуры ; вып. 23).
- Тюпа В.И.* Горизонты исторической нарратологии. – Санкт-Петербург : Алетейя, 2021. – 270 с.
- Тюпа В.И.* Осевая нарратологическая категория в исторической перспективе // Studia litterarum. – 2021 а. – Т. 6, № 1. – С. 10–31.
- Фрейденберг О.М.* Миф и литература древности. – Москва : Наука, 1978. – 464 с.
- Фрейденберг О.М.* Поэтика сюжета и жанра : период античной литературы. – Ленинград : Гослитиздат, 1936. – 454 с.
- Фрейденберг О.М.* Поэтика сюжета и жанра / подгот. текста и общая редакция Н.В. Брагинской. – Москва : Лабиринт, 1997. – 450 с.
- Фрейденберг О.М.* Система литературного сюжета // Монтаж. Литература, искусство, театр, кино / сост. М.Б. Ямпольский. – Москва : Наука, 1988. – С. 216–236.
- Фрейденберг О.М.* Целевая установка коллективной работы над сюжетом Тристана и Исольты // Труды Института языка и мышления АН СССР. II: Тристан и Исольты : от героини любви феодальной Европы до богини матриархальной Африевразии. – Ленинград : Изд-во АН СССР, 1932. – С. 1–16.
- Хализев В.Е.* Историческая поэтика : перспективы разработки // Проблемы исторической поэтики : сб. научных трудов. – Петрозаводск, 1990. – Вып. 1. – С. 3–10.
- Хурумов С.Ю.* Несколько соображений о «магистральном сюжете» А.В. Михайлова // Жизнь в науке : Александр Викторович Михайлов – исследователь литературы и культуры / отв. ред. Л.И. Сазонова. – Москва : ИМЛИ РАН, 2018. – С. 145–153.
- Цветкова Н.В.* «Историческая поэтика» С.П. Шевырёва и А.Н. Веселовский // Преподаватель XXI век. – 2008. – № 1. – С. 74–78.
- Шайтанов И.О.* Бахтин и формалисты в пространстве исторической поэтики // М.М. Бахтин и перспективы гуманитарных наук. – Витебск, 1994. – С. 16–21.
- Шайтанов И.О.* «Историческая поэтика» : опыт реконструкции ненаписанного // Вопросы литературы. – 2010. – № 3. – С. 141–181.
- Шайтанов И.О.* Классическая поэтика неклассической эпохи. Была ли завершена «Историческая поэтика»? // Вопросы литературы. – 2002. – № 4. – С. 82–135.
- Шайтанов И.О.* Формализм как явление исторической поэтики // Вопросы литературы. – 2016. – № 6. – С. 7–29.
- Шайтанов И.О.* «Takes Two to Tango»: Александр Веселовский в англоязычной интерпретации // Вопросы литературы. – 2017. – № 3. – С. 30–46.
- Шульц С.А.* Историческая поэтика и герменевтика (Из истории русской науки о литературе) // Диалог. Карнавал. Хронотоп. – 2000. – № 3/4(32/33) : Тематический выпуск : М.М. Бахтин в контексте русской культуры XX века. – С. 59–70.
- Шульц С.А.* М. Фуко и М. Бахтин (к сопоставлению понятий «археология» и «контекст») // XI Международная конференция. Логика, методология, философия науки. – Москва ; Обнинск, 1995. – Вып. 4. – С. 90–92.
- Энгельгардт Б.М.* Александр Николаевич Веселовский. – Петроград : Колос, 1924. – 214 с.
- Morson G.S., Emerson C. Mikhail Bakhtin.* Creation of a Prosaics. – Stanford : Stanford University Press, 1990. – 530 p.

Указатель имен

Аверинцев С.С. – 6, 30, 57, 59, 61,
66, 73

Аристотель – 30, 42

Ауэрбах Э. – 54, 55, 57, 58, 59

Афанасьев А. – 46–48

Барт Р. – 24

Бахтин М.М. – 6, 13, 18, 21, 29–39, 41,
45–47, 60, 62, 68, 69

Белецкий А.И. – 60

Белый А. – 53

Бенфей Т. – 9

Берталанфи Л. фон – 70, 71

Бизе А. – 13

Боккаччо Дж. – 13

Бочаров С.Г. – 49, 62

Брагинская Н.В. – 18, 23

Бройтман С.Н. – 31, 32, 60, 61,
66–68

Вергилий – 65

Веселовский А.Н. – 6–18, 31, 32,
35–37, 40–42, 44, 46, 47, 52, 54,
57–59, 65, 67–72

Визгин В.П. – 42, 43

Винкельман И.И. – 9

Вяземский П.А. – 9

Гадамер Г.Г. – 42

Гаспаров М.Л. – 57, 59, 63, 69, 74

Гачев Г.Д. – 13

Гегель Г.В.Ф. – 39, 40, 46

Гердер И.Г. – 9, 20

Гёте И.В. – 9, 30, 49, 52, 65

Гиришман М.М. – 32

Гоголь Н.В. – 34, 68

Гомер – 8, 9, 24, 37, 51

Гримм, братья – 9

Гринцер П.Н. – 75

Гугнин А.А. – 49

Гуссерль Э. – 42

Данилина Г.И. – 38–41, 43–46

Дант(е) – 8, 9

Дарвин М.Н. – 14

Дильтей В. – 29, 30, 42

Достоевский Ф.М. – 33, 34, 35

Дюришин Д. – 69

Есаулов И.А. – 65

Жан-Поль – 9

Женетт Ж. – 24

Жеребин А.И. – 51–53, 60–62,
65–69

Жирмунский В.М. – 6–8, 10–12, 17,
20

Жуковский В.А. – 13–15

Захаров В.Н. – 65, 73

Зелинский Ф.Ф. – 38

Зенкин С.Н. – 26–28

Зубарева В. – 70–72

Иванов Вяч.И. – 38, 53, 68

Иванова Е.В. – 51

Исрапова Ф.Х. – 48

Кант И. – 66

Карамзин Н.М. – 65

Касаткина Т.А. – 50

Квинтилиан – 65

Киркегор С. – 30

Клигер И. – 70

Курциус Э. Р. – 51–58, 62, 63, 67, 68

Левин Г. – 69

Лессинг Г.Э. – 9

Лихачёв Д.С. – 13, 57, 63, 73

Ломоносов М.В. – 65

Лотман Ю.М. – 28, 34, 69

Манн Ю.В. – 8

Марр Н.Я. – 18, 19, 20, 22

Маслов Б. – 70

Махлин В.Л. – 42

Махов А.Е. – 14, 15, 54–58, 70

Медведев П.Н. – 31, 37

Мелетинский Е.М. – 6, 12, 57

Менделеев Д.И. – 59

Михайлов А.В. – 6, 15, 16, 18, 32,
41–57, 60, 66

Морсон Г.С. – 29

Надъярных М.Ф. – 44

Новалис – 68

Новиков Н.И. – 65

Олейников А. – 24–26

Осовский О.Е. – 37

Павлова Н.С. – 60–62

Петрарка Ф. – 13

Пиндар – 8

Погодин М.П. – 8

Попова И.Л. – 7, 16, 17, 29, 30, 33,
34, 51, 54, 57–59, 62–65

Потебня А.А. – 36

Пропп В.Я. – 6, 17, 28, 69

Пушкин А.С. – 49, 65

Пыпин А.Н. – 8

Рабле Ф. – 21, 33, 34, 60, 68

Силантьев И.В. – 28

Смирнов И.П. – 46, 63

Соссюр Ф. де – 8

Соловьёв В.С. – 52

Стеблин-Каменский М.И. – 6

Тамарченко Н.Д. – 34–36

Тиханов Г. – 19–21

Тойнби А. – 68

Топорков А.Л. – 11

Троицкий С.А. – 21–23

Тюпа В.И. – 23, 32, 62

Уайт Х. – 12

Уэллек Р. – 69

Франк-Каменецкий И.Г. – 18, 19

Фрейденберг О.М. – 6, 7, 12, 18–28,
39, 40, 45, 62, 69

Фуко М. – 12

Хайдеггер М. – 42, 47

Хализев В.Е. – 59, 60, 72

Хурумов С.Ю. – 54

Хэйо Э. – 70

Цветкова Н.В. – 8, 9, 10

Шайтанов И.О. – 7, 8, 10–14, 17, 37,
69, 70

Шевырёв С.П. – 8–10

Шекспир У. – 8, 9

Шерер В. – 31, 42

Шиллер Ф. – 68

Шишмарёв В.Ф. – 10, 17

Шкловский В.Б. – 28

Шлегель Ф. – 66

Шпет Г.Г. – 41, 44, 45, 52, 74

Шпильгаген Ф. – 37

Штейнталь Х. – 9, 11

Шульц С.А. – 38

Эмерсон К. – 29

Энгельгардт Б.М. – 8

Эсхил – 8

Юэ П.-Д. – 33

Emerson C. – 29

Kemper D. – 69

Kliger I. – 69

Maslov B. – 69

Morson G.S. – 29

Tjupa V. – 69

Taškenov S. – 69

Abstract

The historical poetics which appeared in Russia more than a hundred years ago is becoming once again relevant and authoritative for the scholars intended with its help to find the decision of one of the most vital problem of the studies of literature that is to overcome the division between history of literature and literary theory.

Created at the end of the 19th century as a new scientific method and an academic discipline by A.N. Veselovskii the historical poetics determined the development of the Russian literary criticism throughout the 20th century having an impact on theoretical studies, comparative studies, studies of folklore, medieval studies, studies of the modern literature (the works of V.M. Zhirmunskii, M.I. Steblin-Kamenskii, O.M. Freidenberg, V.Ya. Propp, M.M. Bakhtin, E.M. Meletinskii, A.V. Mikhailov, S.S. Averintsev, etc.). In the 21st century the historical poetics becomes known in the West.

The growing interest in historical poetics manifests itself, on the one hand, in the convergence efforts between the historical and theoretical approaches, and on the other – in the close attention to the phenomenon of the historical poetics as such. Precisely the last is the subject of the paper. A special attention is paid to the key figures in the field, namely to A.N. Veselovskii, O.M. Freidenberg, M.M. Bakhtin, A.V. Mikhailov. The paper also describes the modern “extensions” of Veselovskii’s historical poetics made in the search for its prospects as actual scientific trend.

Addressed to students, postgraduates and lectures of the philological faculties.

References

- Averintsev, S.S. *Poehtika rannevizantiiskoi literatury* [Poetics of the Early Byzantine literature]. Moscow, Nauka Publ., 1977, 320 p. (In Russ.)
- Averintsev, S.S. *Ritorika i istoki evropeiskoi literaturnoi traditsii* [Rhetoric and the Origins of European Literature]. Moscow, Yazyki russkoi kul'tury Publ., 1996, 448 p. (In Russ.)
- Afanas'ev, A. “Teoriya barokko A.V. Mikhailova v ego ‘nauke o kul'ture’. Zapret na ‘avtomaticheskie suzhdeniya’: fundamental'naya filologiya v kontekste modernist-skoi paradigmy znaniya” [“A.V. Mikhailov’s Theory of Barocco in His Studies of Culture”]. *Gefter*, journal. 12.12.2016. Available at: <http://gefter.ru/archive/20386> (date of access: 01.10.2021). (In Russ.)
- Bakhtin, M.M. *Sobranie sochinenii* [Collected Works] [in 6 vols]. Moscow, Russkie slovari Publ.; Yazyki slavyanskikh kul'tur Publ., 1996–2012. (In Russ.)
- Bocharov, S.G. “A.V. Mikhailov o yazyke filologa” [“A.V. Mikhailov on the language of filologist”]. *Zhizn' v nauke: Aleksandr Victorovich Mikhailov – issledovatel' literatury i kul'tury* [Life in Science: Aleksandr V. Mikhailov – the Researcher of

- Literature and Culture*], ed. L.I. Sazonova. Moscow, IMLI RAN Publ., 2018, pp. 60–64. (In Russ.)
- Bocharov, S.G. “Predislovie: Ognennyi mekh na granitsakh kul’tur” [“Preface: A Flaming Sword on the Cultural Borders”]. Mikhailov A.V. *Obratnyi perevod* [Back-Translation]. Moscow, Yazyki russkoi kul’tury Publ., 2000, pp. 7–16. (In Russ.)
- Braginskaya, N.V. “O svyazi osnovnykh idei O.M. Freidenberg” [“About the Link between O.M. Freidenberg’s Main Concepts”]. *Vestnik RGGU. Serya: Istoriya. Filologiya. Kul’turologiya. Vostokovedenie*, no. 3(36), 2018, pp. 71–97 (Arbor Mundi, issue 24). (In Russ.)
- Broitman, S.N. *Istoricheskaya poehtika* [Historical Poetics]. Moscow, RGGU Publ., 2001, 420 p. (In Russ.)
- Broitman, S.N. “Istoricheskaya poehtika” [“Historical Poetics”]. *Poehtika: Slovar’ aktual’nykh terminov i ponyatii*, ed. N.D. Tamarchenko, Moscow, Izdatel’stvo Kulaginoi Intrada Publ., 2008, pp. 86–87. (In Russ.)
- Broitman, S.N. “Nasledie M.M. Bakhtina i istoricheskaya poehtika” [“M.M. Bakhtin’s Legacy and Historical Poetics”]. *Dialog. Karnaval. Khronotop*, no. 4, 1998, pp. 14–32. (In Russ.)
- Veselovskii, A.N. *V.A. Zhukovskii. Poehziya chuvstva i “serdechnogo voobrazheniya”* [V.A. Zhukovskii. The Poetry of Sentiment and of “Imagination of Heart”]. Moscow; St Petersburg, Tsentr gumanitarnykh initsiativ Publ., 2016, 512 p. (In Russ.)
- Veselovskii, A.N. *Izbrannoe: Istoricheskaya poehtika* [Selected Works: Historical Poetics], ed. V.M. Zhirmunskii. Leningrad, Khudozestvennaya literatura Publ., 1940, 649 p. (In Russ.)
- Veselovskii, A.N. *Izbrannoe: Istoricheskaya poehtika* [Selected Works: Historical Poetics], pref., comm., comp. I.O. Shaitanov. Moscow, ROSSPEHN Publ., 2006, 608 p. (In Russ.)
- Veselovskii, A.N. *Izbrannoe: Na puti k istoricheskoi poehtike* [Selected Works: On the Approaches to Historical Poetics], pref., comm., comp. I.O. Shaitanov. Moscow, Avtokniga Publ., 2010, 688 p. (In Russ.)
- Veselovskii, A.N. *Istoricheskaya poehtika* [Historical Poetics], comp. and comm. V.V. Mochalova. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1989, 406 p. (In Russ.)
- Veselovskii, A.N. *Merlin i Solomon* [Merlin and Solomon]. Moscow, Ehksmo-press Publ.; St Petersburg, Terra fantastica Publ., 2001, 864 p. (In Russ.)
- Veselovskii, A.N. *Sobranie sochinenii* [Collected Works]. St Petersburg; Petrograd; Moscow; Leningrad, 1908–1938, vols: 1, 2 (1), 3, 4 (1–2), 5, 6, 8 (1–2), 16. (In Russ.)
- Vizgin, V.P. “Aleksandr Mikhailov: opyt filosofskoi kharakteristiki” [“Aleksandr Mikhailov: an Experience in Philosophic Characteristic”]. *Zizn’ v nauke: Aleksandr Viktorovich Mikhailov – issledovatel’ literatury i kul’tury* [Life in Science: Aleksandr V. Mikhailov – the Researcher of Literature and Culture], ed. L.I. Sazonova. Moscow, IMLI RAN Publ., 2018, pp. 24–47. (In Russ.)
- Gasparov, M.L. “Istoricheskaya poehtika i sravnitel’noe stikhovedenie (Problema sravnitel’noi metriki)” [“Historical Poetics and Comparative Studies (The Problem of Comparative Metric)”]. *Istoricheskaya poehtika. Itogi i perspektivy izucheniya* [Historical Poetics: Results and Prospects of Study]. Moscow, Nauka Publ., 1986, pp. 188–209. (In Russ.)

- Gasparov, M.L. *Metr i smysl. Ob odnom mekhanizme kul'turnoi pamyati* [Meter and Sense. About one Mechanism of Cultural Memory]. Moscow, RGGU Publ., 1999, 297 p. (In Russ.)
- Gasparov, M.L. *Ocherk istorii evropeiskogo stikha* [An Essay on the History of European Verse]. Moscow, Nauka Publ., 1989, 304 p. (In Russ.)
- Gasparov, M.L. *Ocherk istorii russkogo stikha: metrika, ritmika, rifma, strofika* [An Essay on the History of Russian Verse: Metrics, Rhythmic, Rime, Stanzas]. Moscow, Nauka Publ., 1984, 320 p. (In Russ.)
- Gachev, G.D. *Uskorennoe razvitiye literatury na primere bolgarskoi literatury pervoi poloviny XIX veka* [Accelerated Development of Literature on the Example of Bulgarian Literature of the First Part of the 19th Century]. Moscow, Nauka Publ., 1964, 312 p. (In Russ.)
- Gugnin, A.A. “‘Magicheskoe literaturovedenie’ A.V. Mikhailova i nekotorye idei V.I. Vernadskogo: popytka priblizheniya k probleme” [“A.V. Mikhailov’s ‘Magic Literary Studies’ and Some Ideas of V.I. Vernadskii: an Attempt in Approaching the Problem”]. *Zhizn' v nauke: Aleksandr Viktorovich Mikhailov – issledovatel' literatury i kul'tury* [Life in Science: Aleksandr V. Mikhailov – the Researcher of Literature and Culture], ed. L.I. Sazonova. Moscow, IMLI RAN Publ., 2018, pp. 65–96. (In Russ.)
- Danilina, G.I. “‘Istorichnost’ v rabotakh M.M. Bakhtina” [“‘Historicism’ in M.M. Bakhtin’s Works”]. *Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 4, 2006, pp. 69–89. (In Russ.)
- Danilina, G.I. “‘Istoriya kak okruzhayushchee’: A.V. Mikhailov i G.G. Shpet” [“‘History as Environment’: A.V. Mikhailov and G.G. Shpet”]. *Vestnik RGGU. Seriya: Literaturovedenie. Fol'kloristika*, no. 7, 2007, pp. 193–201. (In Russ.)
- Danilina, G.I. “Kak rasslyshat’ ‘myshlenie istorii’? O ponyatii A.V. Mikhailova ‘Obratnyi perevod’” [“How to Get the ‘Thinking of History’? On A.V. Mikhailov’s Concept of ‘Back-Translation’”]. *Novyi filologicheskii vestnik*, no. 1(12), 2010, pp. 6–15. (In Russ.)
- Danilina, G.I. *Printsip istoichnosti: kontseptsiya istoricheskoi poetiki A.V. Mikhailova* [The Notion of Historicism: A.V. Mikhailov’s Concept of Historical Poetics]. Dr. phil. sci. diss. abstr. Moscow, 2008, 48 p. (In Russ.) (In Russ.)
- Danilina, G.I. “‘Slovo na razvalinakh’ istorii’: problemy istorizma i kluchevykh slov v pozdnykh rabotakh A.V. Mikhailova” [“‘A Word on the Ruines of History’: Problems of Historicism and Key Words in the Late Works of A.V. Mikhailov”]. *Zhizn' v nauke: Aleksandr Viktorovich Mikhailov – issledovatel' literatury i kul'tury* [Life in Science: Aleksandr V. Mikhailov – the Researcher of Literature and Culture], ed. L.I. Sazonova. Moscow, IMLI RAN Publ., 2018, pp. 167–191. (In Russ.)
- Darvin, M.N. “Eshche raz o ‘nedostroennom zdanii’ istoricheskoi poetiki A.N. Veselovskogo” [“Once Again on ‘Unfinished Building’ of Historical Poetics”]. (Rev.) *Novyi filologicheskii vestnik*, no. 1(6), 2008, pp. 243–246. Review: Veselovskii A.N. *Izbrannoe: Istoricheskaya poetika* [Selected Works: Historical Poetics], comp. by I.O. Shaitanov. Moscow: ROSSPEN Publ., 2006, 608 p. (In Russ.)
- Esaulov, I.A. “Gipoteza A.N. Veselovskogo o sootnoshenii khristianskoe / yazycheskoe v russkom natsional'nom soznanii i sovremennaya nauka” [“A.N. Veselovskii’s Hypothesis on the Balance of Christian / Pagan in Russian National Consciousness

- and Modern Science”]. *Ob istoricheskoi poehtike A.N. Veselovskogo*. Samara, Izdatel'stvo Samarskoi gumanitarnoi akademii Publ., 1999, pp. 39–45. (In Russ.)
- Esaulov, I.A. *Paskhal'nost' russkoi literatury* [The Notion of Pascha in Russian Literature]. Moscow, Krug Publ., 2004, 559 p. (In Russ.)
- Esaulov, I.A. *Russkaya klassika: Novoe ponimanie* [Russian Classics: A New Approach]. St Petersburg, Aleteiya Publ., 2012, 448 p. (In Russ.)
- Zherebin, A.I. “Russkaya istoricheskaya poehtika i diskurs o moderne v filologicheskoi nauke Germanii (Neskol'ko tezisev po sravnitel'noi metodologii)” [“Russian Historical Poetics and Discourse on Modern in German Philology (Some Talking Points on Comparative Methodology)”]. *Universitetskii zhurnal*, no. 2, 2012, pp. 25–36. (In Russ.)
- Zherebin, A.I. “Tsitata Mikhailova iz Kurtsiusa i ee obratnyi perevod” [“Mikhailov's Quote from Curtius and its Back-Translation”]. *Voprosy literatury*, no. 4, 2011, pp. 290–301. (In Russ.)
- Zherebin, A.; Pavlova, N. “O Samsone Broitmane i ego ‘Istoricheskoi poehtike’” [“About Samson Broitman and His ‘Historical Poetics’”]. *Revue des études slaves*, no. 78(4), 2007, pp. 489–493. (In Russ.)
- Zhirmunskii, V.M. “A.N. Veselovskii i sravnitel'noe literaturovedenie” [“A.N. Veselovskii and Comparative Literary Studies”]. Zhirmunskii, V.M. *Sravnitel'noe literaturovedenie. Vostok i Zapad*. Leningrad, Nauka, Leningradskoe otdelenie Publ., 1979, pp. 84–136. (In Russ.)
- Zhirmunskii, V.M. “Problema fol'klora” [“The Problem of Folklore”]. Zhirmunskii V.M. *Fol'klor Zapada i Vostoka. Sravnitel'no-istoricheskie ocherki*, ed. B.S. Dolgin, S.Yu. Neklyudov. Moscow, OGI Publ., 2004, pp. 40–57. (In Russ.)
- Zakharov, V.N. *Problemy istoricheskoi poehtiki. Ehtnologicheskie aspekty* [The Problems of Historical Poetics: Ethnological Aspects]. Moscow, Indrik Publ., 2012, 264 p. (In Russ.)
- Zakharov, V.N. “Snova o perspektivakh izucheniya istoricheskoi poehtiki” [“Once Again on the Future of Historical Poetics Studies”]. *Problemy istoricheskoi poehtiki*, vol. 1, no. 1, 2018, pp. 7–16. (In Russ.)
- Zenkin, S.N. “Syuzhet i narratsiya: Narratologiya Ol'gi Freidenberg v istoriko-ideinykh koordinatakh” [“The Plot and Narration: Narratology of O. Freidenberg in Historical and Ideological Connections”]. *Vestnik RGGU. Seriya: Istoriya. Filologiya. Kul'turologiya. Vostokovedenie*, no. 4(25), 2017, pp. 67–77 (Arbor Mundi, issue 23). (In Russ.)
- Zubareva, V. “Perechityvaya A. Veselovskogo v XXI veke” [“Rereading A. Veselovskii in 21st Century”]. *Voprosy literatury*, no. 5, 2013, pp. 47–81. (In Russ.)
- Ivanova, E.V. “Biografiya uchenogo i sud'ba ego naslediya” [“The Scientist's Biography and the Fate of His Legacy”]. Mikhailov, A.V. *Stat'i po teorii literatury* [Articles On the Theory of Literature]. Moscow, Dmitrii Sechin Publ., 2018, p. 5–18. (In Russ.)
- Israpova, F.Kh. “‘Stroitel'nye lesa’ literaturovedeniya (A.V. Mikhailov o teorii literatury i ee terminakh kak ‘osobych slovakh’)” [“Literary Studies ‘Scaffolding’ (A.V. Mikhailov on the Theory of Literature and Its Terms as ‘Special Words’)”]. *Novyi filologicheskii vestnik*, no. 1(48), pp. 16–27. (In Russ.)
- Averintsev, S.S.; Andreev, M.L.; Gasparov, M.L.; Grintser, P.A.; Mikhailov, A.B. “Kategorii poehtiki v smene literaturnykh ehpokh” [“Types of Poetic Forms through the Ages”]. *Istoricheskaya poehtika. Literaturnye ehpokhi i tipy khudozhestvennogo*

- soznaniya [*Historical Poetics: Literary Epochs and Types of Art Consciousness*]. Moscow, Nasledie Publ., 1994, pp. 3–38. (In Russ.)
- Kasatkina, T.A. “Aleksandr Viktorovich Mikhailov kak teoretik kultury” [“Aleksandr Viktorovich Mikhailov as Cultural Theorist”]. *Kontekst-2013. Ezhegodnik teorii i istorii literatury*. Moscow, IMLI RAN Publ., 2013, pp. 125–131. (In Russ.)
- Kurtsius, Eh.R. *Evropeiskaya literatura i latinskoe Srednevekov’e* [*European Literature and the Latin Middle Ages*]: in 2 vols / trans. D.S. Kolchigin, ed. F.B. Uspenskii. Moscow, Izdatel’skii Dom YASK Publ., 2020. (In Russ.)
- Likhachev, D.S. *Istoricheskaya poetika russkoi literatury: Smekh kak mirovozzrenie i drugie raboty* [*Historical Poetics of Russian Literature: Laughter as Worldview and Other Works*]. St Petersburg, Aleteiya Publ., 1997, 508 p. (In Russ.)
- Lotman, Yu.M. *Izbrannye stat’i* [*Selected Articles*]: in 3 vols. Tallinn, Aleksandra Publ., 1992. (In Russ.)
- Mann, Yu.V. *Russkaya filosofskaya ehstetika* [*Russian Philosophical Aesthetics*]. Moscow, MALP Publ., 1998, 381 p. (In Russ.)
- Makhlin, V.L. “Uroki obratnogo perevoda (A.V. Mikhailov i problema russko-nemetskogo dialoga)” [“The Lessons of Back-Translation (A.V. Mikhailov and the Problem of Russian-German Dialogue)”]. Makhlin V.L. *Vtoroe soznanie: Podstupy k gumanitarnoi ehpistemologii* [*Second Consciousness: Approaches to the Epistemology of Humanities*]. Moscow, Znak Publ., 2009, pp. 472–502. (In Russ.)
- Makhov, A.E. “A.V. Mikhailov i Eh.R. Kurtsius: Dva vozzreniya na literaturnyi protsess iz perspektivy ritoriki” [“A.V. Mikhailov and E.R. Curtius: Two Approaches to the Literary Process from the Rhetorical Perspective”]. *Zhizn’ v nauke: Aleksandr Viktorovich Mikhailov – issledovatel’ literatury i kul’tury* [*Life in Science: Aleksandr V. Mikhailov – the Researcher of Literature and Culture*], ed. L.I. Sazonova. Moscow, IMLI RAN Publ., 2018, pp. 127–144. (In Russ.)
- Makhov, A.E. “Veselovskii – Kurtsius. Istoricheskaya poetika – istoricheskaya ritorika” [“Veselovskii – Curtius. Historical Poetics – Historical Rhetoric”]. *Voprosy literatury*, no. 3, 2010, pp. 182–202. (In Russ.)
- Makhov, A.E. “Poslednii trud A.N. Veselovskogo” [“A.N. Veselovskii’s Last Work”]. Veselovskii A.N. *V.A. Zhukovskii. Poehziya chuvstva i “serdechnogo voobrazheniya”* [*V.A. Zhukovskii. The Poetry of Sentiment and of “Imagination of Heart”*]. Moscow, St Petersburg, Tsentr gumanitarnykh initsiativ, 2016, pp. 5–12. (In Russ.)
- Medvedev, P.N. *Formal’nyi metod v literaturovedenii* [*Formal Method in Literary Studies*]. Moscow, Labirint Publ., 1993, 207 p. (Bakhtin pod maskoi, issue 2). (In Russ.)
- Meletinskii, E.M. *Vvedenie v istoricheskuyu poehtiku ehposa i romana* [*Introduction to the Historical Poetics of Epic, Romance and Novel*]. Moscow, Nauka: Glavnaya redaktsiya vostochnoi literatury Publ., 1986, 320 p. (In Russ.)
- Meletinskii, E.M. *Istoricheskaya poehtika novelly* [*The Historical Poetics of Novella*]. Moscow, Nauka Publ., 1990, 280 p. (In Russ.)
- Mikhailov, A.V. “Aktual’nye problemy sovremennoi teorii literatury” [“Actual Problems of the Modern Literary Theory”]. *Kontekst-1993*. Moscow, Nauka Publ., 1996, pp. 4–19. (In Russ.)
- Mikhailov, A.V. “Dialektika literaturnoi ehpokhi” [“Dialectics of Literary Epoch”]. *Kontekst-1982*. Moscow, Nauka Publ., 1983, pp. 99–135. (In Russ.)

- Mikhailov, A.V. *Izbrannoe. Istoricheskaya poehtika i germenevtika* [Selected Works. Historical Poetics and Hermeneutics]. St Petersburg, Izdatel'stvo St Peterburgskogo universiteta Publ., 2006, 554 p. (In Russ.)
- Mikhailov, A.V. "Istoricheskaya poehtika v kontekste zapadnogo literaturovedeniya" ["Historical Poetics in the Context of Western Literary Studies"]. *Istoricheskaya poehtika. Itogi i perspektivy izucheniya* [Historical Poetics. Results and Prospects of Study]. Moscow, Nauka Publ., 1986, pp. 53–71. (In Russ.)
- Mikhailov, A.V. *Metody i stili literatury* [Methods and Styles in Literature]. Moscow, IMLI RAN Publ., 2008, 176 p. (In Russ.)
- Mikhailov, A.V. "Neskol'ko tezisev o teorii literatury. Stenogramma doklada, sdellanogo 20 yanvarya 1993 g. na zasedanii Nauchnogo soveta OLYA RAN" ["A Few Points on the Theory of Literature. Transcript of the Report Made in January, 20, 1993 at the Russian Academy of Sciences"]. *Literaturovedenie kak problema. Trudy Nauchnogo soveta "Nauka o cheloveke v kontekste nauk o kul'ture"*. Pamyati Aleksandra Viktorovicha Mikhailova posvyashchaetsya. Moscow, 2001, pp. 223–278. (In Russ.)
- Mikhailov, A.V. *Obratnyi perevod. Russkaya i zapadno-evropeiskaya kul'tura: problemy vzaimosvyazei* [Back-Translation. Russian and West European Culture: The Problems of Interaction], comp., prep., comm. D.R. Petrov, S.Yu. Khurumov. Moscow, Yazyki russkoi kul'tury Publ., 2000, 848 p. (In Russ.)
- Mikhailov, A.V. "O nekotorykh problemakh sovremennoi teorii literatury" ["About Some Problems of the Modern Literary Theory"]. *Izvestiya AN. Seriya literatury i yazyka*, vol. 53, no. 1, 1994, pp. 15–23. (In Russ.)
- Mikhailov, A.V. *Problemy istoricheskoi poehtiki v istorii nemetskoj kul'tury* [Problems of Historical Poetics in the History of German Culture]. Moscow, Nauka Publ., 1989, 232 p. (In Russ.)
- Mikhailov, A.V. *Yazyki kul'tury. Uchebnoe posobie po kul'turologii* [The Languages of Culture. A Manual on Cultural Studies]. Moscow, Yazyki russkoi kultury Publ., 1997, 913 p. (In Russ.)
- Morson, G.S.; Emerson, C. "Mikhail Bakhtin. Sozdanie prozaiki" ["Mikhail Bakhtin. Creation of a Prosaics"] [fragment], transl. from English. *Mikhail Bakhtin: Pro et contra*. Vol. 2: *Tvorchestvo i nasledie M.M. Bakhtina v kontekste mirovoj kul'tury*. St Petersburg, Izdatel'stvo Russkogo Khristianskogo humanitarnogo instituta Publ., 2002, pp. 72–97. (In Russ.)
- Nad'yarnykh, M.F. "Problema kul'turnoi dinamiki v metode A.V. Mikhailova" ["The Problem of Cultural Dynamics in A.V. Mikhailov's Method"]. *Zhizn' v nauke: Aleksandr Viktorovich Mikhailov – issledovatel' literatury i kul'tury* [Life in Science: Aleksandr V. Mikhailov – the Researcher of Literature and Culture], ed. L.I. Sazonova. Moscow, IMLI RAN Publ., 2018, pp. 192–208. (In Russ.)
- Oleinikov, A. "Teoriya narratsii O.M. Freidenberg i sovremennaya narratologiya: popytka sravnitel'nogo analiza" ["O.M. Freidenberg's Theory of Narration and Modern Narratology: An Attempt of Comparative Analysis"]. Available at: <http://kogni.narod.ru/freiden.htm> (date of access: 01.10.2021). (In Russ.)
- Osovskii, O.E. "Iz sovetskikh rabot bol'shuyu tsennost' imeet kniga O. Freidenberg': bakhtinskie marginalia na stranitsakh 'Pohtiki syuzheta i zhanra'" ["Among the Soviet Works the Book of O. Freidenberg is of Great Value": Bakhtin's Notes in the

- Margin of the Book ‘Poetics of Plot and Genre’”]. *Bakhtinskii sbornik*, issue IV, ed. V.L. Makhlin. Saransk, 2000, pp. 128–134. (In Russ.)
- Osovskii, O.E. “Roman v kontekste istoricheskoi poehtiki (ot A.N. Veselovskogo k M.M. Bakhtinu)” [“Novel in the Context of Historical Poetics (From A.N. Veselovskii to M.M. Bakhtin)”]. *Bakhtinskii sbornik*, issue II, ed. V.L. Makhlin. Moscow, 1991, pp. 312–343. (In Russ.)
- Popova, I.L. *Istoricheskaya poehtika v teoreticheskom osveshchenii* [Historical Poetics From the Theoretical Viewpoint]. Moscow, IMLI RAN, 2015, 264 p. (In Russ.)
- Popova, I.L. “Kniga Eh.R. Kurtsiusa ‘Evropeiskaya literature i latinskoe Srednevekov’e’ i ee znachenie dlya istoricheskoi poehtiki” [“E.R. Curtius’s Book ‘European Literature and the Latin Middle Ages’ and Its Importance For Historical Poetics”]. *Klio v zazerkal’e: Istoricheskii argument v gumanitarnoi i sotsial’noi teorii* [Clio through the Looking Glass: Historical Argument in Humanitarian and Social Theory]. Moscow, NLO Publ., 2021, pp. 275–309. (In Russ.)
- Popova, I.L. “Problema pamyati i zabveniya. M.M. Bakhtin o mekhanizмах sokhraneniya/stiraniya sledov traditsii v istorii kul’tury” [“The Problem of Memory and Oblivion. M.M. Bakhtin On the Mechanisms of Retaining/Deletion of Tradition in the History of Culture”]. *Studia Litterarum*, vol. 1, no. 1–2, 2016, pp. 73–90. (In Russ.)
- Propp, V.Ya. *Russkaya skazka* [Russian Fairy Tale]. Moscow, Labirint Publ., 2000, 416 p. (In Russ.)
- Pypin, A.N. *Istoriya russkoi ehtnografii* [The History of Russian Ethnography]: in 4 vols. St Petersburg, 1890–1892. (In Russ.)
- Silant’ev I.V. “Semanticheskaya traktovka motiva v trydakh A.N. Veselovskogo i O.M. Freidenberg” [“The Semantic Interpretation of Motive in the Works of A.N. Veselovskii and O.M. Freidenberg”]. *Vestnik RGGU. Serya: Istoriya. Folologiya. Kulturologiya. Vostokovedenie*, no. 4(25), 2017, pp. 61–66 (Arbor Mundi, issue 23). (In Russ.)
- Smirnov, I.P. *Khudozhestvennyi smysl i ehvolyutsiya poehticheskikh system* [The Artistic Meaning and the Evolution of the Poetical Systems]. Moscow, Nauka Publ., 1977, 203 p. (In Russ.)
- Tamarchenko, N.D. “Avtor i geroi v kontekste spora o Bogochelovechestve (M.M. Bakhtin, E.N. Trubetskoi i V.I. Solov’ev)” [“The Author and the Hero in the Context of Theological Discussion (M.M. Bakhtin, E.N. Trubetskoi and V.I. Solov’ev)”]. *Diskurs*, no. 5–6, 1998, pp. 25–39. (In Russ.)
- Tamarchenko, N.D. “M.M. Bakhtin i A.N. Veselovskii (Metodologiya istoricheskoi poehtiki)” [“M.M. Bakhtin and A.N. Veselovskii (The Method of Historical Poetics)”]. *Dialog. Karnaval. Khronotop*, no. 4(25), 1998 a, pp. 33–44. (In Russ.)
- Tikhanov, G. “Semanticheskaya paleontologiya v kontekste istorii sovetskogo literaturovedeniya: 1930–1950-e gg.” [“Semantic Paleontology in the Context of Soviet Literary Studies: 1930–1950th”]. *Klio v zazerkal’e: Istoricheskii argument v gumanitarnoi i sotsial’noi teorii* [Clio through the Looking Glass: Historical Argument in Humanitarian and Social Theory]. Moscow, NLO Publ., 2021, pp. 243–274. (In Russ.)
- Toporkov, A.L. *Teoriya mifa v russkoi filologicheskoi nauke XIX veka* [The Theory of Myth in the Russian Philology of the 19th Century] Moscow, Indrik Publ., 1997, 456 p. (In Russ.)
- Troitskii, S.A. “Geneticheskii metod O.M. Freidenberg v issledovanii kul’tury” [“O.M. Freidenberg’s Genetic Method in Cultural Studies”]. *Vestnik RGGU. Serya:*

- Istoriya. Folologiya. Kulturologiya. Vostokovedenie*, no. 4(25), 2017, pp. 39–60 (Arbor Mundi, issue 23). (In Russ.)
- Tyupa, V.I. *Gorizonty istoricheskoi narratologii* [*The Horizons of Historical Narratology*]. St Petersburg, Aleteiya Publ., 2021, 270 p. (In Russ.)
- Tyupa, V.I. “Oseвая narratologicheskaya kategoriya v istoricheskoi perspective” [“The Pivotal Narratological Category in Historical Perspective”]. *Studia litterarum*, vol. 6, no. 1, 2021 a, pp. 10–31. (In Russ.)
- Freidenberg, O.M. *Mif i literatura drevnosti* [*Myth and Ancient Literature*]. Moscow, Nauka Publ., 1978, 464 p. (In Russ.)
- Freidenberg, O.M. *Poehtika syuzheta i zhanra* [*Poetics of Plot and Genre*], ed. N.V. Braginskaya. Moscow, Labirint Publ., 1997, 450 p. (In Russ.)
- Freidenberg, O.M. “Sistema literaturnogo syuzheta” [“System of Literary Plot”]. *Montazh. Literatura, iskusstvo, teatr, kino*, comp. M.B. Yampol’skii, Moscow, Nauka Publ., 1988, pp. 216–236. (In Russ.)
- Freidenberg, O.M. “Tselevaya ustanovka kollektivnoi raboty nad syuzhetom Tristana i Isol’dy” [“The Target of the Collective Work on the Plot of Tristan and Isolde”]. *Trudy instituta yazyka i myshleniya AN SSSR. II: Tristan i Isol’d: ot geroini luibvi feodal’noi Evropy do bogini matriarkhal’noi Afrevrazii*. Leningrad, Izdatel’stvo AN SSSR Publ., 1932, pp. 1–16. (In Russ.)
- Khalizev, V.E. “Istoricheskaya poehtika: Perspektivy razrabotki” [“Historical Poetics: Prospect of Developing”]. *Problemy istoricheskoi poehtiki: Sbornik nauchnykh trudov*. Petrozavodsk, 1990, issue 1, pp. 3–10. (In Russ.)
- Khurumov, S. Yu. “Neskol’ko soobrazhenii o ‘magistral’nom syuzhete” A.V. Mikhailova” [“A Few Comments on A.V. Mikhailov’s ‘Central Theme’”]. *Zhizn’ v nauke: Aleksandr Viktorovich Mikhailov – issledovatel’ literatury i kul’tury* [*Life in Science: Aleksandr V. Mikhailov – the Researcher of Literature and Culture*], ed. L.I. Sazonova. Moscow, IMLI RAN Publ., 2018, pp. 145–153. (In Russ.)
- Tsvetkova, N.V. “‘Istoricheskaya piitika’ S.P. Shevyreva i A.N. Veselovskii” [“S.P. Shevyrev’s ‘Historical poetics’ and A.N. Veselovskii”]. *Prepodavatel’ XXI vek*, no. 1, 2008, pp. 74–78. (In Russ.)
- Shaitanov, I.O. “Bakhtin i formalisty v prostranstve istoricheskoi poehtiki” [“Bakhtin and Formalists within the Historical Poetics”]. *M.M. Bakhtin i perspektivy gumanitarnykh nauk* [*M.M. Bakhtin and the Prospects of Humanities*]. Vitebsk, 1994, pp. 16–21. (In Russ.)
- Shaitanov, I.O. “‘Istoricheskaya poehtika’: Opyt rekonstruktsii nenapisannogo” [“‘Historical Poetics’: An Experience in Reconstructing Unwritten”]. *Voprosy literatury*, no. 3, 2010, pp. 141–181. (In Russ.)
- Shaitanov, I.O. “Klassicheskaya poehtika neklassicheskoi ehpokhi. Byla li zavershena ‘Istoricheskaya poehtika’?” [“Classical Poetics of Non-Classical Epoch. Was ‘Historical Poetics’ been finished?”] *Voprosy literatury*, no. 4, 2002, pp. 82–135. (In Russ.)
- Shaitanov, I.O. “Formalizm kak yavlenie istoricheskoi poehtiki” [“Formalism as Phenomenon of Historical Poetics”]. *Voprosy literatury*, no. 6, 2016, pp. 7–29. (In Russ.)
- Shaitanov, I.O. “‘Takes Two to Tango’: Aleksandr Veselovskii v angloyazychnoi interpretatsii” [“Aleksandr Veselovskii in English Interpretation”]. *Voprosy literatury*, no. 3, 2017, pp. 30–46. (In Russ.)

- Shul'ts, S.A. "Istoricheskaya poehtika i germenevtika (Iz istorii russkoi nauki o literature)" ["Historical Poetics and Hermeneutics (From the History of Russian Literary Studies)"]. *Dialog. Karnaval. Khronotop*, no. 3–4 (32–33), 2000, pp. 59–70 (Tematicheskii vypusk: M.M. Bakhtin v kontekste russkoi kul'tury XX veka). (In Russ.)
- Shul'ts, S.A. "M. Fuko i M. Bakhtin (k sopostavleniyu ponyatii 'arkheologiya' i 'kontekst')" ["M. Foucault and M. Bakhtin (To the Comparison of Terms 'Archaeology' and 'Context')"]. *XI Mezhdunarodnaya konferentsiya. Logika, metodologiya, filosofiya nauki*, issue IV. Moscow; Obninsk, 1995, pp. 90–92. (In Russ.)
- Ehngel'gardt, B.M. *Aleksandr Nikolaevich Veselovskii*. Petrograd, Kolos Publ., 1924, 214 p. (In Russ.)
- Morson, G.S.; Emerson, C. *Mikhail Bakhtin. Creation of a Prosaics*. Stanford, Stanford University Press, 1990, 530 p. (In English)

Т.Г. ЮРЧЕНКО

**ИСТОРИЧЕСКАЯ ПОЭТИКА:
ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ
И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ**

Аналитический обзор

Оформление обложки И.А. Михеев
Техническое редактирование
и компьютерная верстка К.Л. Синякова
Корректоры С.Е. Шелимова, Л.Н. Казиминова

Гигиеническое заключение
№ 77.99.6.953.П.5008.8.99 от 23.08.1999 г.
Подписано к печати 28 / XII – 2021 г.
Формат 60х84/16 Бум. офсетная № 1 Печать офсетная
Усл. печ. л. 5,4 Уч.-изд. л. 5,1
Тираж 300 (1–100 экз. – 1-й завод) Заказ № 92

Институт научной информации
по общественным наукам Российской академии наук (ИНИОН РАН)
Нахимовский проспект, д. 51/21, Москва, 117418
<http://inion.ru>, https://instagram.com/books_inion

Отдел маркетинга и распространения
информационных изданий
Тел.: +7 (925) 517-36-91, +7(499) 134-03-96
e-mail: shop@inion.ru

Отпечатано по гранкам ИНИОН РАН
ООО «Амирит»,
410004, Саратовская обл., г. Саратов,
ул. Чернышевского, д. 88, литера У